
Часть третья

РОССИЯ — ЛЮБОВЬ МОЯ

Тут целый мир, живой, разнообразный,
Волшебных звуков и волшебных снов, —
О, этот мир, так молодо-прекрасный, —
Он стоит тысячи миров...

Федор Тютчев

1. О светлом и горьком Василия Белова

Я взялся за эти воспоминания под настойчивым напором обстоятельств... Сейчас многие мои товарищи, друзья, коллеги, мои современники, одноклассники и старше, пишут воспоминания. Пишут, естественно, со своей точки зрения, пишут то, что подсказывает память, избирательная и прихотливая. И столько одностороннего и неправильного возникает на страницах этих воспоминаний, а вслед за этим следуют и выводы более молодых наших единомышленников, в искаженном свете представляющих ход недавней борьбы за возвращение русскому народу национального самосознания.

Вот читаю статью Ю. Белова «Русские до боли «Перезвоны» (Советская Россия. 1999. 17 августа), очень хорошо здесь говорится о Валерии Гаврилине и Георгии Свиридове, но тут же следует фраза, вызывающая недоумение и даже возмущение: «Но шли годы, и о русском, как общем, стало забываться — Великая Победа уходила в историю. Но в 60-е возникло явление до сих пор не до конца осмысленное большинством. Сформировалась плеяда писателей, забывших в тревожный колокол о нелегкой судьбе русской деревни. Интеллигентствующие критики называли русских писателей — Федора Абрамова, Василия Шукшина, Василия Белова, начинающего Валентина Распутина и других — «деревенщиками». А тема, поднятая русскими писателями, была не просто деревенской. Это была русская тема для всей России, не для русских только. Художественная литература всегда опережает время».

«О русском, как общем, стало забываться» — ну что еще может быть нелепее в наше время, чем вот эти фразы. «Сформировалась плеяда писателей...» Если сформировалась плеяда, то, значит, нужно искать тех, кто эту плеяду формировал, и не только формировал, но и пробиравал в планы издательств, писал об этих писателях, рекомендуя читате-

для обратить на них внимание, тем самым формируя общественное мнение, тем самым формируя мнение власть имущих и пр. и пр.

Ну, ладно, думаю, Ю. Белов — человек молодой, публицист, как он сам представился. Но вот беседуют два главных редактора — Александр Проханов и Валентин Чикин: «Валентин Васильевич, ты помнишь, — начинает беседу Александр Проханов, — как в 1991—1992 годах мы принимали титанические усилия для того, чтобы соединить в патриотическое движение «красных» и «белых», «левых» и «правых»? Наши одухотворенные патриотические вечера, огромные залы. Мы же в наших газетах и на патриотических форумах стремились соединить всех патриотов, снять полувековую вражду и распрю. И это удастся...» (Завтра. 1999. № 32).

Мне-то казалось, что титанические усилия соединить белых и красных предпринимали еще Михаил Шолохов в «Тихом Доне» и Михаил Булгаков в «Белой гвардии», но им это не удалось: два русских гения только обозначили эту проблему — необходимость единства русской нации во имя будущего России как великого государства. Вслед за ними многие русские писатели предпринимали эти попытки — и в первую очередь Алексей Толстой и Леонид Леонов, Андрей Платонов и Вячеслав Шишков...

А ведь Валентин Чикин и Александр Проханов вроде бы серьезные общественные деятели, а говорят какие-то легковесные фразы: нет, все еще не удалось соединить всех патриотов. Если бы удалось, то Ельцина и его приспешников не было бы в Кремле.

Пишут воспоминания Сергей Викулов, Станислав Куняев. И хорошо, что пишут, но только уже сейчас необходимо вносить коррективы в ту картину, которая возникает под их пером, вряд ли стоит оставлять нашим потомкам решение вопроса — кто правдив, а кто субъективен. Историки литературы, дескать, разберутся и всех расставят по своим местам. Уже сейчас можно сказать, кто действительно играл определенную роль в формировании литературного процесса, а кто преувеличивает по своей тогдашней малости значение своей деятельности, кто субъективно, в свою пользу, трактует те или иные факты и фактики.

Нет, не забывали о русском как всеобщем в издательстве «Советский писатель», и Великая Победа не уходила в историю, а всегда была в наших сердцах. Я уже писал о том, что редакцию русской советской прозы в 1961 году возглавлял фронтовик Василий Петрович Росляков, потом блистательный поэт Владимир Павлович Туркин, его сменил фронтовик Николай Иванович Родичев. Редакцию русской поэзии возглавлял фронтовик Егор Исаев, а редакцию поэзии народов СССР — фронтовик Гарольд Регистан. Все мы в то время дружили, делились своими планами, а поэты читали свои стихи, в том числе и о Великой Победе, которую они лично в ратном подвиге добывали вместе со всеми народами СССР.

Постепенно менялся редакционный состав. В качестве рецензентов я привлек своих друзей-единомышленников — Олега Михайлова, Виктора Чалмаева, Михаила Лобанова... Иные рукописи, договорные и просроченные, нуждались в том, чтобы довести их до определенной

кондиции. И тут на помощь приходил или Кузьма Горбунов, старый писатель, привлечший к себе внимание еще в начале 30-х годов, или Олег Михайлов, не только превосходный рецензент, но и талантливый редактор, способный дать ювелирную правку текста, дать так, чтобы своим вмешательством не обидеть автора. Чаще всего редактор и автор в итоге совместной работы становились друзьями, между ними устанавливалась переписка, которая сейчас становится бесценным свидетельством тогдашних настроений, тогдашнего положения в литературе, свидетельством отношений между писателями и цензурой, между писателем и властью имущими вообще.

В издательство «Советский писатель» один за другим приходили Евгений Носов, Василий Белов, Виктор Астафьев, хотели привлечь Константина Воробьева, пришли Василий Шукшин и многие другие молодые писатели, почувствовавшие, что «Советский писатель» готов издавать истинно русскую литературу. Ведь Евгений Носов, Василий Белов и Виктор Астафьев учились почти одновременно на Высших литературных курсах при Литературном институте, хорошо знали друг друга и успех каждого с радостью разделяли. После выхода книги Евгения Носова пришли и Белов и Астафьев.

Николай Иванович Родичев отбыл на несколько месяцев в творческую командировку на Дальний Восток писать повесть, оставил меня исполняющим обязанности заведующего редакцией русской прозы в самое горячее время: нужно было составлять план выпуска на 1965 год и план редподготовки на 1966-й. Каждый редактор предлагал пять-шесть «своих», получалось чересчур много, а мест в плане мало, вот и возникали конфликты, начиналась подковёрная борьба за место в плане. Угодить всем страждущим было просто невысказано, обиженные жаловались Лесючевскому и Карповой.

Где-то весной 1964 года под бременем этих забот я тоскливо смотрел в подготовленный редакцией план выпуска на будущий год, ведь столько интересного и значительного еще оставалось за пределами планами. Тут стремительно входит в редакцию Николай Васильевич Лесючевский.

— Виктор Васильевич! Почему вы не включили в план выпуска рукопись нового романа Ильи Сельвинского о революции и Гражданской войне?

— Рукопись только недавно поступила. Я отправил ее на рецензию Кузьме Горбунову, вскоре он обещал...

— Нечего ждать рецензию, Илья Сельвинский — известный поэт, профессиональный писатель. А что у вас в плане выпуска?

Я посмотрел в подготовленный проект плана, назвал первые имена в алфавитном порядке.

— Балябин, Белов, Карпенко, Носов...

— Какие-то Кучкины-Мучкины, а Сельвинского нет. Ставьте в план выпуска.

— Из Кучкиных-Мучкиных могут новые Шолоховы вырасти, а из Сельвинского — только Сельвинский, — вдогонку уходящему Лесючевскому бросил я.

Все эти годы издательской деятельности я действительно жадно читал рукописи неизвестных авторов в надежде, авось найду нового Шолохова. Вот вгорячах и признался Лескучевскому.

Естественно, в план выпуска 1965 года поставили рукопись Ильи Сельвинского, а Белов, Балябин, Карпенко и другие «мои» рукописи оказались вне плана. Из «моих» попал только Евгений Носов, книга которого и вышла в 1965 году, о чем здесь уже говорилось.

Приведу здесь несколько фраз из писем Николая Родичева, посланных мне из Хабаровска, где он надолго застрял, работая над новой повестью, а я слезно умолял его вернуться на работу, мне тоже нужно дорабатывать «Гуманизм Шолохова»; к тому же исполнять обязанности заведующего — это значит каждый день ходить в издательство, принимать авторов, разговаривать с редакторами, с начальством и пр. и пр.

«Ты меня ждешь в Москве, — склонный к юмору, писал Николай Иванович 12 августа 1964 года, — а я ползаю по большой карте Северного Сахалина и Камчатки, в ожидании армейских документов на вылет туда и в ожидании кирзовых сапог, положенных мне согласно новых условий жизни. Насчет жизни я не оговорился, ибо всегда предпочитал вот такую размашистую бродячую жизнь среди незнакомого мне людя и среди незнакомых сопков...

В общем, ты уже по эпиграфу догадался, что мне здесь нравится. Я для прогулки выбираю поближе закоулки: на Сахалин, на погранзаставу, где можно было бы побеседовать с беженцами-китайцами. Написал рассказец, сочинил ответ одному армейскому прозаику с убедительной просьбой заняться изучением новых уставов, вместо написания новелл. Любовь к этому во многом еще дикому, мятежному краю возникла отнюдь не из нелюбви к издательству. Дела издательские меня тревожат. Чаше других вспоминаются фамилии засланных в набор моих авторов. Проследи за рукописями Любимова, поступившего к нам недели 2 тому назад из редакции «Известия» с письмом Аджубея или Ивашенко; и за прохождением рукописи Амлинского, которая поступила с 2 рецензиями. Здесь не помешал бы и твой собственный глаз.

Других рекомендаций не даю, поскольку ты не выполнил прощальных наставлений. Следи за своевременной сдачей рукописей в производство — это главное. Второе: распределяй (и требуй выполнения) на чтение редакторам рукописи. А третьим останется — подписание документов и чтение рецензий. Четвертым — береги здоровье. Если ты будешь ежедневно сидеть «от» и «до», ты скоро выйдешь из игры. Физически окажешься непригодным к этой изнурительной по нервной нагрузке работе».

Через какое-то время в отчаянии я посылаю Н. Родичеву письмо или телеграмму: не могу я каждый день ходить на работу, столько замыслов, столько нужно прочитать, написать, к тому же и теннис полюбился настолько, что я был готов каждый день играть, играть... А перед игрой с Олегом Михайловым столько возникало интересных разговоров, он вел переписку с парижской эмиграцией, писал книгу о Бунине, которую задумал представить как кандидатскую. К тому же он

стал ведущим рецензентом нашего издательства, а рецензии хорошо оплачивались...

На мой скорбный плач Николай Иванович отвечал письмами или телеграммами. Вот одна из них: «Дорогой Виктор Васильевич свет моих очей небольшому сожалению меня задерживают конца сентября службы особой нет но торчать надо использую возможности завершаю третий рассказ предстоит еще одна поездка Сахалин или Приморье Приношу глубокую признательность за добрую помощь жди терпи надейся = *Николай*».

Или вот еще одно «издевательское» письмишко:

«Дорогой Виктор Васильевич!

Буйный ты сиротинушка!

В непрестанных думах о дне и часе нашего свидания (делового), в поисках, чем бы задобрить тебя, я умыкнул один документик об истоках китайских шатаний. Перепечатал специально для тебя, дабы у тебя было чем заняться в томительном ожидании нашей встречи.

А вообще, милый, я на службе. Хожу в мундире и подчиняюсь всем законам и распоряжениям, согласно уставам. Срок отъезда 5 X, но я вылетаю за счет уплотнения служебного времени где-то вокруг 1 окт. Постараюсь до 1-го. Обнимаю. *Ник. Родичев. 21. IX. 64*».

Прилетел, конечно, гораздо позднее, после 10 октября. Я тут же уехал в отпуск в Сухуми, работать над завершением книги о Шолохове.

26 октября Николай Иванович написал мне письмо, 29-го я его получил:

«Дорогой Виктор Васильевич!

Рад твоему слову и тому, что ты акклиматизировался в местах, где люди живут преимущественно голыми.

Молюсь о твоём благополучии. Писать о нашей работе — дело бесполезное. Это означало бы измерять воду в быстротекущей реке. При чем не всегда чистую воду — современную, химизированную.

Кручусь. Оставил ты мне богатое наследие в виде папок нечитанных и неотвеченных дел. Разбираюсь. Затеял перепроверку папок, карточек. Везде прорехи, везде нужны часы и часы «досужих» сидений. Сижу. Каждый день с утра и до ночи. И вдвоем будем сидеть до Нового года, пока неотрегулируем свой (нрб).

Продолжаю чистку портфеля. Поступает в среднем по 1 рук. в день. Раньше было по три. Из твоего списка пока не сделано ничего, кроме мелочей.

Очень много отнимает времени парտработа. Готовлю экономич. со-вещание.

Нужны (ряд) контрольных читок, но тебя нет, некому этим делом заниматься. Одним словом, жду. Для полной нагрузки, для подпряжения в наш общий возок.

Ничего не пишешь о рукописи. А зря. Если у тебя успехи только по акклиматизации, то это решение проблемы лишь по форме. Иду по жизни с полной нагрузкой. Но возраста пока не чувствую. Если что и чувствую всерьез, это то, что напрасно засел в наш уважаемый кабинет. Лучше было акклиматизироваться на Сахалине. Там тоже климат подходящий.

Не хватит ли тебя развлекать? Боюсь впасть в старческую сентиментальность».

Так вот мы и переписывались, исполняя высокие обязанности руководителей главного отдела издательства «Советский писатель».

И при всем при этом я вспоминаю об этом времени как о счастливой поре. Я узнал кухню издательства, узнал, что я могу, а что не могу... Дать толстую рукопись из «самотека» на рецензию нуждающемуся писателю, договорную — члену правления издательства; взять на чтение, а потом и на редактирование рукопись нового для издательства автора; а вот «старые» авторы все уже распределены по редакторам, которые уже ждут от «своего» писателя новую вещь, знают, кому ее послать на рецензию, кто ее поддержит на обсуждении плана. Если захочешь ты что-либо изменить, то скандал обеспечен, нет, не в открытую, а тихо зашелестит слух-слухок по коридорам издательства, дойдет, естественно, до Лесючевского и Карповой, начнутся разбирательства. Да, кстати, «старые» писатели меня меньше всего интересовали, среди них нового Шолохова не найдешь.

И вот однажды, когда Николай Иванович «ползал» по карте Северного Сахалина, а я исполнял обязанности заведующего редакцией русской прозы, в кабинет зашел молодой человек, небольшого роста, стеснительно поздоровался и протянул мне рукопись:

— Мне сказали в редакции, что рукопись я должен передать вам. Моя фамилия Белов, Василий Иванович Белов. Тут небольшая повесть и несколько рассказов.

К тому времени я прочитал многих современных прозаиков, перелистывал журналы в поисках новых имен, просматривал новинки других издательств. Нет, Белова я не знал. Но на вид он еще так молод, чуть за тридцать. Я стал расспрашивать Василия Ивановича. Родился в деревне, мать и до сих пор там живет, учился в Литинституте, работал в райкоме ВЛКСМ, печатался, в «Советской России» вышла небольшая книжка. Ну а почему сразу в «Советский писатель»? Есть же и «Молодая гвардия», тем более в прошлом комсомольский вожак. Об этом и спросил.

— Мои рассказы и повесть вряд ли подойдут издательству «Молодая гвардия», — словно бы услышав мои внутренние сомнения, сказал Белов. — Я больше пишу о современной деревне... Если вы интересуетесь положением в современной деревне, то, может, и почитаете...

Что-то подкупало в этой простоте и доверительности, которая исходила от Василия Ивановича Белова, немногословного, стеснительного, чуть-чуть неуверенного в себе, ведь он пришел в «чужое» издательство, тут и «своих» полно, а всех даже и такое мощное издательство прокор-

мать не в состоянии, конкурс рукописей был слишком велик, даже не столько рукописей, сколько имен, порой и дутых. Но и дутые были «своими». Не выбросишь, столько лет кормили.

А наша задача с Н.И. Родичевым как раз и заключалась в том, чтобы привлечь новые, свежие силы в издательство, а значит, и в русскую литературу вообще. Белова я быстро прочитал, за день-два. Понял, что это настоящая русская проза, действуют истинно русские люди, говорят на подлинном русском языке. Но ведь эту рукопись надо провести через авторитетное рецензирование. Кому дать, чтобы поддержать это молодое дарование и поставить в план издания? Это мучительный вопрос. От этого очень многое зависело в судьбе рукописи, а значит, и в судьбе ее автора. А тут совсем еще молодой, никто о нем и не слышал. Лаптев Юрий Григорьевич, мелькнуло у меня, и проректор Литинститута, и лауреат Сталинской премии, сам пишет о деревне. Кому же еще, как не ему. Вскоре Юрий Лаптев принес рецензию, я лихорадочно смотрю на последние абзацы рецензии: печатать в таком виде не следует. М-да-а. Такого я не ожидал. А Юрий Григорьевич начинает мне объяснять, что если напечатать такое произведение, то завтра же нас всех разгонят, обвинят в клевете на колхозное крестьянство, как уже не раз бывало в нашей истории литературы, а вы, Виктор Васильевич, еще молодой и этого не знаете, а я все это сам пережил.

Что я мог возразить этому старому и, в общем, очень милому человеку? Что я сам историк литературы, знаю историю «Тихого Дона», «Белой гвардии», «Русского леса»? Нет, этим делу не поможешь. Отрицательная рецензия налицо, нужно было срочно что-то предпринимать, чтобы спасти положение. Я ведь рукопись прочитал, знаю ее достоинства и недостатки... Позвонил Виктору Чалмаеву, который иной раз выручал нас, охотно брал рукописи на рецензию. Я рассказал Виктору Андреевичу о своих впечатлениях о прочитанном, «забыв» сказать о рецензии Ю.Г. Лаптева. Но смысл нашего разговора — поддержать молодое дарование. Никогда я не давал рекомендации рецензентам, с уважением относился к каждому мнению, а тут я выразил своему другу, однокашнику по университету, открытую просьбу — поддержать. Но и тут ничего хорошего не получилось — Виктор Чалмаев написал еще более хлесткую, жесткую рецензию — печатать нельзя. Что было делать? Одна из них принадлежит члену правления издательства... И я написал редакторское заключение — таков был порядок, — в котором, обобщая рассмотрение рукописи в редакции, высказал вместе со своими положительными оценками рекомендации рецензентов по доработке рукописи. Рукопись перспективная, автор молодой и талантливый, необходимо заключить договор и отослать рукопись на доработку.

Так мы с Н.И. Родичевым и сделали, а после доработки, думали мы, дадим другим рецензентам. В итоге так и получилось. А между тем «Привычное дело» было опубликовано в журнале «Север». Белов прислал мне экземпляр журнала, я срочно написал рецензию, отдал ее в «Огонек», и Николай Сергованцев тут же поставил ее в номер, а Софронов подписал.

А поддержка «Огонька» в то время много значила в судьбе писателя. «О светлом и горьком» — так называлась рецензия, с которой, в сущности, началась известность Василия Белова, но ни один из критиков, писавших впоследствии о Белове, не сослался на эту первую рецензию о «Привычном деле». (Смотрите, господа критики и историки литературы, июльский «Огонек» (1966. № 29).)

О СВЕТЛОМ И ГОРЬКОМ

(В. Белов. Привычное дело. Повесть. Север. 1966. № 1)

Имя молодого талантливого прозаика Василия Белова сейчас довольно широко известно, а ведь всего лишь два-три года назад оно еле приметной точкой мелькало на литературном горизонте. Повесть «Привычное дело» — новый шаг в становлении многообещающего литератора.

В центре повести «Привычное дело» — крестьяне, живущие на не слишком щедрой к человеку вологодской земле.

Глубоко и поэтично, с тонким пониманием побуждений духовной жизни воссозданы образы Ивана Африкановича и Катерины — главных героев повести. С улыбкой и каким-то непостижимым стоицизмом переносят Катерина и Иван Африканович все трудности и беды, выпавшие на их долю. Автор описал будничную жизнь одной семьи: девять человек детей, всех их надо накормить, обути, одеть. Родителям приходится тяжело. А они не теряют бодрости духа, стойко переносят все лишения.

Буднично и, казалось бы, спокойно течет жизнь вологодской деревушки. Ничего особенного не происходит здесь. Иван Африканович и его молодой друг Мишка, чуть-чуть «перебрав», заезжают в полночь к дальней родственнице и сватаются к ее сорокалетней дочери-вековухе. Жестоко обидевшись, дочь выгоняет непрошенных сватов. А наутро уже вся округа знала об этом происшествии. Кому смех, а кому слезы. Юмористические сцены сменяются драматическими, ненавязчиво передавая подлинную правду деревенской жизни, где юмор зачастую соседствует с драмой.

В этой небольшой повести много прекрасных сцен, эпизодов: герои работают, поют песни, растят детей, обсуждают последние новости международной жизни. Внешне ничем не выделяются Иван Африканович и его жена Катерина. Но В. Белов знает их не только внешне. Пристально вглядываясь в своих односельчан, с которыми прожил и работал немало лет, В. Белов обнаруживает в них множество редкостных качеств — доброту, целомудрие, достоинство. Иван Дрынов, Катерина, бабка Евстоля — это подлинно народные характеры, глубокие, сильные своим духом.

В. Белов описывает жизнь деревни в тот момент, когда низкая оплата трудодня, всевозможные запреты, сковывавшие самостоятельность и личную инициативу крестьянина, нарушения Устава сельхозартели и прежде всего принципа материальной заинтересованности мешали людям жить на родной земле.

В минуту отчаяния (отобрали сено, накошенное ночью в лесу) ушел из деревни и Иван Африканович. Он пытается оторваться от родной земли в поисках лучшей доли для своей семьи. Но земля жестоко мстит ему за эту измену, пусть временную. В. Белов с глубоким проникновением в душу этого обаятельного человека показывает, как он оттаивает, возвращается в родное село.

Естественно, Белов жил в Вологде, а повесть «Привычное дело» не умещалась в прокрустово ложе издательских требований, между нами возникла оживленная переписка.

Публикую здесь письма Василия Белова для тех, кто любит творчество этого замечательного писателя, кто интересуется тем, что думал и чувствовал он в борьбе за свое «Привычное дело», за то, чтобы быть самим собой, за то, чтобы восстановить утраченное после первой публикации в журнале «Север».

«Привычное дело» было опубликовано в издательстве «Советский писатель» в 1968 году, великолепное оформление сделал Евгений Капустин, фронтовик, тонкий мастер, чудесный человечик, о нем вспоминает Белов в письмах. И вообще книга вышла праздничная, не только по оформлению, но, главное, нам удалось полностью сохранить в конечном счете авторскую волю, не нарушая ее, не искажая представленное, как это иной раз бывало в то непростое время.

В.М. Карпова не раз говорила мне как редактору книги, что «Привычное дело» мы должны печатать по расклейке журнала «Север». «Ну, как же печатать по расклейке, Валентина Михайловна, если автор недоволен этой публикацией, если он представил авторизованную машинопись, которая существенным образом отличается от опубликованного?» Цензура требует, продолжала настаивать Валентина Михайловна, но честь ей и хвала, она умела слушать, а не веря, сама читала и принимала решение, порой правильное, иной раз в угоду времени, но тут уж ничего не поделаешь: руководителем не станешь, если не научишься слушаться и прислушиваться к мнению руководящих органов.

«Там, за тремя волоками» называлась книга Василия Белова, вышедшая в «Советском писателе», к сожалению, цензура сняла все-таки два рассказа, о которых В. Белов вспоминает в одном из писем:

«Виктор Васильевич!

Пишет вам Белов — тот вологжанин, что был у Вас не так давно.

Сначала хочется Вас поблагодарить за участие и поддержку, жаловаться на собственную судьбу — гнусная штука, но я немножко пожалуюсь Вам. Помните, Вы говорили о возможностях рецензирования. Я был бы весьма Вам благодарен, если б эту возможность реализовать как-то. Необязательно сразу. Я говорю в общем плане.

Далее. Недели через две я закончу очерк «Грозы над крышами», предназначенный для «Нового мира». Листов 5—6. Что, если один экземпляр я pošлю Вам? Или подождать, пока его не опубликуют? Я, правда,

не знаю, что получится, но пока мне эта работа нравится, делаю ее с увлечением.

Хотелось бы спросить у Вас и о другом деле, связанном с моими рассказишками, с их изданием.

Очень прошу, черкните письмецо. С искренним и глубоким уважением.

Белов.

14 сентября 1964 г.».

А вот письмо заведующему редакцией Н.И. Родичеву.

«Здравствуйте, Николай Иванович!

Пишет Вам Белов, вологжанин. (Нас как-то знакомил Чернолусский.)

Неудобно и стыдно напоминать о себе, но я решил это сделать.

Дело в том, что я послал в «Сов. пис.» рукопись рассказов. Я прекрасно знаю трудности, связанные с изданием книжицы, и посему не очень претендую на успех этого дела. Но может быть, и что получится, может быть, можно втиснуться хотя бы в план. Помнится, в разговоре с Петелиным промелькнула эта возможность.

Кстати, при случае передайте ему поклон.

Привет от наших вологодских литераторов от Саши Романова и Сергея Викулова.

От души желаю удач и надеюсь, Вы напишете мне письмишко. С приветом *Белов.*

31.03.1965. Вологда, ул. Самойло, 9, 59. (Телефон только в отделении: Облисполком, 3—70)».

«Дорогой Виктор Васильевич!

Спасибо за письмо, за заботу, сердечный поклон всем «окопникам».

Насчет рецензирования — ерунда, ничего и не надо делать. Это я тогда намекал из-за денежного кризиса. Теперь вроде бы ничего. Выжил.

Наверно, Женя Носов трепанулся?

Да, насчет очерка я вряд ли что буду предпринимать.

Твардовский может быть и прав, очерк с подлинными, документальными фамилиями и фактами печатать не стоит. Я этот очерк пушу «молевым» сплавом, для рассказов и т. д.

Не смогли ли бы Вы при случае передать поклон В. Чивилихину и Рослякову? (Хотя я и не знаком с ними.) Еще привет Родичеву и, если увидите, Олегу Васильевичу Волкову.

За сим очень вам признательный.

Белов.

14.IV.65».

«Виктор Васильевич, здравствуйте!

Решил написать письмишко, т. к. не знаю, что еще надо сделать в смысле моего сборника.

Был в Москве два дня, хотелось Вас увидеть, да так получилось, что не увидел.

Ник. Ив. говорил, что все идет своим чередом, примерно так же говорил и В. Чалмаев, но все равно у меня ощущение тревоги: как? что?

«Привычное дело», сокращенное на два листа, появится в первом номере «Севера», может быть, это облегчит продвижение сборника. Правда, с этой штукой мне бы хотелось кое-что поделать. Надо выбросить (как мне кажется) былинку и выправить некоторые слишком прямолинейные места. И еще: на мой взгляд, совершенно необходимо совсем убрать из сборника два рассказа — это «В гостях» и «Бабушкин праздник» (о выборах).

В художественном смысле мне почему-то их не жалко, а дразнить гусей также не входило в мои планы.

Напишите мне, так как от судьбы сборника и от работы с ним зависят все мои ближайшие планы.

Дополнить чем-либо рукопись я не могу, так как связал себе руки несколькими начатыми повестями, и когда они закончатся — неизвестно.

С искренним почтением. *Белов*.

<12.11.1966> (Датируется по штемпелю на конверте.)

«Виктор Васильевич!

Шлю Вам поклон и журнал с моей оскопленной штукой.

Сократили ее на два листа, да ошибок полно, да еще правила, и без моего ведома, что особенно неприятно и взбесило.

Очень надеюсь, что в сборнике будет не этот испорченный вариант, что в журнале.

В Москву мне хочется, и я приеду — будете ли Вы там в конце апреля? Сообщите. Обрадовали Вы меня 35%, так как уже полгода живу в долг, денег бы не мешало.

Может, послать мне бумажку в бухгалтерию, чтобы перевели в Вологду?

Но я боюсь, что 14 листов в сборнике не наберется. Может быть, привезу два новых рассказишка, если успею доделать. Если Вы собираетесь куда уехать — сообщите мне, я в это время и не поеду.

Сердечный привет Н. Родичеву.

За сим до близкой встречи.

Ваш *Белов*.

12.IV.66».

«Здравствуйте, Виктор Васильевич!

Получил Ваше письмо и отвечаю сразу же и откровенно. Письмо несколько ошарашило меня. Пытаюсь согласиться со многими Вашими высказываниями, и у меня ничего не выходит.

Не произошло ли чего в издательстве за это время (я говорю относительно моей рукописи). Может быть, то, что Вы пишете о «Привычном деле», является точкой зрения издательства, а не Вашей лично? Признаюсь Вам, что тогда письмо было бы менее горьким для меня.

Я понимаю, как сложно, как щепетильно положение редактора. Особенно когда рукопись вызывает естественное раздражение известных

кругов. И мало кто знает из читателей, что в какое-то время создателем книги менее всего является писатель... Вы понимаете, о чем я говорю.

Если говорить о моем сборнике, то теперь уже не я, а Вы создаете книжку. От Вас зависит, какой она родится. И родится ли вообще. Извините меня, но я здесь человек уже как бы посторонний, мое дело (может быть, менее тяжкое) сделано. Я уже отработанный пар. Я уже ничем Вам не помогу, я смогу только наблюдать, а как-то у Вас получится?

Теперь — хотя это и противоестественно — попробую войти еще раз в уже сыгранную мною роль. То есть защитить перед Вами, как перед читателем, то, что сказано в «Пр. деле».

Вы говорите, что все хорошо, но слабо показан колхозный мир, окружающий героев, слабо показан человек в борьбе с несправедливостью. И что я подчеркиваю только долготерпение Ив. Афр., покорность судьбе.

Но, Виктор Васильевич, именно это я и хотел подчеркнуть! То бишь не долготерпение, а неспособность, неумение Ив. Аф. бороться с несправедливостью, — это была моя задача с самого начала. Кстати, он не такой уж покорный, как Вы пишете. Да и выжить в деревне, выстоять в такой обстановке как раз и могли только такие; другие же, сильные и деятельные, давно либо сгнили в тундре, либо уехали в города.

Да еще неизвестно, слабый ли Ив. Афр. Слабый, если считать слабостью способность выживать в самых невероятных условиях. Может быть, это и не заслуга, быть таким. Но ведь он еще и не больно покорный. Помните, как он хватается в конторе кочергу, когда его не отпускают из деревни? Или как взъерепенился, когда ему не дали поплясать? Я как раз и хотел описать **такого** Ив. Афр. Разве я не имел на это право? Описать такого мужика, который боится уполномоченного, но способен разогнать с колом всю деревню? Не ошибка и то, что я не касался общественных производственных конфликтов. Чтобы о них писать, надо писать уже **другую** повесть (и я ее напишу), нужны **другие** герои, все другое. Эту же вещь я и хотел сделать так как есть, т. е. без тех качеств, за отсутствие которых Вы меня упрекаете.

Я согласен с Вами, что одной традиции «Матренина двора» мало для русской литературы. Конечно, мало. Но, Виктор Васильевич, не торопите события. В нашей литературе будет все: и новые бунтари, и новые Аксиньи с Мелеховыми. Все дело к тому идет, и процесс этот необратимый.

Уж больно стыдно говорить о самом себе, но я знаю, что через полтора-два года у меня будет новый, совсем не такой Иван. Но мне нужно было пройти через Ивана Африкановича. Пройти именно через такую книжку. Я убежден, что через это нужно пройти и читателю, иначе бы я не стал писать.

И вот еще что. Если б я, Виктор Васильевич, сделал эту вещь такой, какой Вы хотите видеть, то есть сказать **полную**, как Вы пишете, правду, то пробить, опубликовать книжку было бы еще труднее. Я бы мог описать и эту, полную правду, описать, что получается, когда Африкановичи вдруг начинают понимать, что к чему. Если б я ее написал, вот тогда действительно была бы пища для наших недругов...

Виктор Васильевич, поняли ли Вы меня? Я бы хотел послать рукопись в первых числах июля. Напишите, что за обстановка и какова угроза стычки с Главлитом. В этом смысле я выбросил кое-что, поправил. Совсем убрал рассказ про выборы. Объем получается только 14 листов. Думаю, что «Самовар», «Скакал казак» и еще два новых рассказа мне удастся опубликовать в журналах в ближайшие месяцы. Может быть, это облегчит Вам работу. Из той книжки я взял два рассказа: «Весну» и «Речные излуки», думаю, что надо было сделать это.

То, что написано в начале моего письма, надо бы сейчас, в конце, ну да ладно. Поклон Николаю Ивановичу. Жду Вашего письма и крепко жму руку.

Белов».

20.VI.66».

Примечание. Действительно, я несколько «ошарашил» В. Белова тем, что привел мнение рецензентов как мнение редакции, на этом основании мне удалось заключить с ним договор, потом выписать и одобрение, т. е. 35%. А подробное свое мнение я высказал в статье «Россия — любовь моя» (Волга. 1969. № 3) и в «Огоньке» в 1966 г.

«Виктор Васильевич, здравствуйте!

Не так давно возвращался я с Кавказа, останавливался в общежитии Литинститута.

28-го часов в 11—12 заходил к Вам домой, но никого не было.

Решил, что Вы где-либо в отпуске. Сейчас уезжаю в деревню.

Поработать очень хочется.

Рукопись высылаю сразу, как только доделаю один рассказ. Если не лень — черкните по адресу: Вологодская область, Харовский р., п/о Азла, д. Тимониха.

Желаю хорошего труда и здоровья.

Белов».

1 августа <1966> (Датируется по штемпелю на конверте.)

«Здравствуйте, Виктор Васильевич!

Получил Ваше письмо в Тимониху. (Кстати, опять я еду туда до Нов. года.)

В моем молчании не было ничего такого. Писать особо нечего. Дела мои не ахти какие. Съездил на Восток, угробил время почти зря. Служба есть служба, к тому ж тамошняя погода не по моему носу. Ветер, влажность большая, к вечеру температура повышалась целый месяц (моя, разумеется). Еле выбрался. Год прошел бездарно, сделано очень мало. И хуже всего, — плохо работается, ничего не хочется делать.

На днях я послал в редакцию изд-ва рукопись сборника. Мне бы хотелось видеть его именно в таком составе и в такой последовательности. «Пр. дело» сокращено до журнального варианта, только оставил я главку «Бабкины сказки» о пошехонах. «Самовар» переименован в «Такую войну». Все вещи Вам знакомы. Только в конец я решил по-

ставить зарисовку «Бобришный угор», не известную Вам. Это зарисовка как бы подводит итог, что ли. Раздумья об уходящем, чтоб больше не возвращаться к этой больной для меня теме.

Еще вставил в последний раздел рассказик «На Росстанном холме».

Эта штука мне не очень нравится — она сентиментальна и традиционная. Но название символическое: «Росстань» — слово, происходящее от «расставаться». На этом я и расстанусь с темой уходящей деревни...

Черкните, как и что.

Я буду в деревне числа до 25 декабря. Если нужно, то в январе приеду в Москву. Да так и так, вероятно, приеду в январе. Я говорил с главным художником насчет оформления, он обещал подобрать человека, знающего северный крестьянский быт и культуру северную. Уж больно не хочется, чтобы сборник оформлялся человеком несведущим. Не помню фамилию художника. Жду вестей.

Желаю Вам удач в личных делах и жму руку.

Белов.

8 декабря 1966».

«Здравствуйте, Виктор Васильевич!

Шлю Вам поклон и спасибо за письмо. Двадцатые числа для моего приезда очень подходят — приеду наверняка, если буду здоров. Кстати, за это время мне хотелось бы поделаться кое-что с «Бобришным угором» (убрать красоты, лишнее философствование, сделать его проще и лиричнее).

Насчет оформления я полностью полагаюсь на Вас, лишь бы не было ляпсусов в смысле сельской специфики, а то это бывает. Знаком ли Капустин хоть немного с нашей северо-зап. деревней? В общем — смотрите сами.

О книге Вашей я узнал нынче осенью, но купить ее не смог, т. к. был в деревне, а сейчас ее в Вологде нет. Говорят, была, но еще летом распродана; надеюсь, Вы подарите ее мне. Насчет обсуждения «Пр. д.» в Союзе я слышал от А. Яшина (он сейчас в Вологде, в больнице, лечит бронхит, а потом собирается на медвежью охоту). А насчет выдвижения я ничего не знаю, это Ваше сообщение вызвало во мне растерянность, уж если до меня дело дошло, то до чего же докатилась великая русская лит-ра! Ведь мне-то больше всех ясно, как это мелко, малохудожественно, по сравнению с тем, как бы оно должно быть.

Да, а Шмелева я ничего не читал и что есть уже «Росстани», не знал совсем. Вот ведь как. Но я думаю ничего, слово «росстань» коренное, русское и повториться не грех. Позвольте хоть и с запозданием, но поздравить Вас с Новым годом. Крепко жму руку.

Белов.

5.01.67».

«Виктор Васильевич, привет!

Шлю поклон из Тимонихи. Все собирался в Москву, потому и не ответил. А вдруг все бросил и уехал в деревню, какая-то сила, инстинкт

что ли, бросила меня в родные места. Живу тут как пустынный, есть время поразмышлять и что-то поработать.

И все отсюда кажется каким-то незначительным и суетным.

Не звонил ли тебе Степанов из «Правды»? Он приезжал, чтобы я доделал им статью. Я просил позвонить его тебе, т. к. почта из-за распутицы у нас не ходит и когда ты получишь это письмо — бог знает. С радио зря обижаешься, т. к. давать мне им пока нечего. На «Расст. холме» был уже опубликован в «Лит. России», а других пока нет. Конечно, рубли бы мне не помешали, но что сделаешь? Ну, теперь весна, можно скоро и на подножный корм...

СП приглашает в Москву на 4.V. Может, и приеду. Черкни. Я буду здесь, но лучше на Волгу, жена письмо перешлет.

Интересно, как движется сборник? Что сам сейчас делаешь? Передай мой поклон твоей великолепной матушке, она так похожа чем-то на мою. Еще передай привет Капустину и Максимову. (С Вл. Максимовым я познакомил Белова в ЦДЛ. — В. П.)

Желаю энергии и удачи. Крепко жму руку.

Белов.

16 апреля <1967> (Датируется по штемпелю на конверте.)

«Виктор Васильевич, шлю тебе сердечный поклон. Письмо получил. Телеграмму Карповой послал. Признаться, у меня не было особых надежд на благополучный исход, но в глубине души я все же надеялся, что все будет нормально.

Черт возьми, но ведь 25 лет прошло с тех пор — четверть века! До каких пор нельзя писать того, что было тогда? Ведь в рассказах нет и сотой доли всей правды, всей тогдашней действительности, ведь если б описать то время по-настоящему честно, то куда бы было этим двум рассказишкам!

И многие еще не знают, что пережили тогда русские люди, а самое обидное, что и знать не хотят — вот что обидно!

Ну, ладно...

Черкни мне подробности.

Карпова по телефону меня заверила, что весь остальной текст остается прежним — если б не это, то сборник издавать не было смысла бы...

Ну, ладно...

Что нового в столицах? Черкни.

Матушке твоей кланяюсь.

Белов. 2 декабря.

Да, Виктор Васильевич, если сборник подписан, то, видимо, можно надеяться и на деньги?

Гнусно, но я обсох в этом смысле до предела. Все время на грани того, что надо вот-вот искать работу.

А бросать свое дело неохота, слишком уж далеко все зашло.

У меня новый адрес: Вологда, ул. Ветошкина, д. 106, кв. 32».

<4.12.1967> (Датируется по штемпелю на конверте.)

Примечание. Цензура книгу подписала в печать, но два рассказа сняла. Об этих «рассказишках» и упоминает здесь В. Белов. Оба рассказа («Самовар» и «Скакал казак») повествуют о тяжелой доле русского крестьянства, о мучительном преодолении выпавших на его долю страданий. Эти рассказы были потом опубликованы. Вышел большой сборник «Холмы» (изд-во «Современник», 1973). Вскоре я получил этот сборник с дарственной надписью: «Виктору Петелину. Хотя и с запозданием, но от души. Белов. 21 августа 74 г. Вологда».

«23 декабря

Виктор Васильевич!

Поверь, что будь я членом пр. комиссии, я бы голосовал «за».

Неприятная вещь, но это ерунда — союз. Примут. Еще примут, все ерунда.

А книжку твою я читал. Не писал об этом, потому что не хотелось заводить разговор, так как слишком больно мне говорить обо всем этом. Поскольку ты настаиваешь — говорю. Книга мне не понравилась. То есть не понравилась относительно. Относительно творений Якименко, Гуры и К° — книга, на мой взгляд, великолепна. Особенно в смысле Мелехова. Но это так мало! Мало, недостаточно! По сути дела, ты смыкаешься с ними в отступлениях, в общей трактовке, хотя и прорывается на многих страницах настоящая правда. Ты здорово дал по мозгам этим критикам, для которых Гришка — олицетворение собственничества, дикости, которые боятся и ненавидят его. Но далеко ли ты ушел от таких критиков? Не обижайся, но я не могу иначе, слишком все это для меня больно. Те критики, все подряд противопоставляли Мелехова народу. Ты же шагнул немного вперед: для тебя Мелехов типичный представитель **части** народа. Для меня же Мелехов — олицетворение не какой-то определенной части (скажем, казачества), а **всего** народа. Вот и весь секрет того, почему книга мне не понравилась. Я убежден, что сила «Тихого Дона» в этом трагизме, трагизме размеров общенациональных. И в этом смысле «Целина» в подметки не годится «Тихому Дону», в «Целине» Михаил Александрович достиг блистательной художественности, блистательной формы при содержании ограниченном, навеянном весьма преходящими явлениями и идеями. (Помяни мое слово: пройдет десяток-полтора лет, и то, что делалось в деревне начала 30-х годов, будет всеми считаться ошибочным.) В этой ситуации (что в «Целине») было не меньше трагизма, чем во время гражданской войны, но Шолохов в «Целине» смазал этот трагизм. Если автор «Тихого Дона» велик и недосягаем, то автор «Целины» почти не выделяется в ряду прочих и отнюдь, впрочем, не маленьких художников.

Вот то, из чего я исхожу в оценке твоей книги о Шолохове. Можно считать ошибочными (а Ошанин бы счел кулацкими) эти мои мысли, но, надеюсь, в неискренности-то ты меня не упрекнешь.

О Булгакове я действительно писал, писал по заказу «Литгазеты». Рецензию на «Мастера и Маргариту». Чаковский снял с полосы мое незаконнорожденное детище, ничего в нем, вероятно, и не было тако-

го гениального и особого. Я уж забыл, о чем там накарябал — кажется, хотелось сказать, выразить, например, ту мысль, что Москва не имела даже самого слабого иммунитета против нечисти, и шайка Воланда знала, где заstopорить своих сатанинских коней. Ну и еще философское что-то, уже не помню.

Жизнь идет себе. Собираюсь в столицу, но в декабре уже не успею. Подписали ли мой сборник и когда будет сигнал?

Поздравляю тебя и матушку с Новым годом.

Насчет нового сборника — не знаю. У меня на повесть договор с Архангельским издательством, а другого пока ничего.

Пока, Виктор Васильевич.

Черкни, а также передай привет и новогодние поздравления Капустину. *Белов*. <25.12.1967> (Датируется по штемпелю на конверте.)

«Виктор Васильевич, обижаешься ты на меня зря. Впрочем, не зря. Не ответил вовремя, не заехал. Но жизнь какая-то нелепая. А организоваться не могу. Вот зачем-то поперся на декаду, и вышибло меня из оглобель. Ну, ладно.

За книжку спасибо. Аж не верится. Особенное спасибо тебе, что не правил. (Как это делают н.п. в «Мол. гвардии» и в «Сов. России»), и Капустину за оформление. Передай это ему, я бы написал, но и адреса нет.

Теперь о том, что ты говорил. Сборник может по объему выглядеть так: «За тремя волоками» (вся книга) — 13,5 листа; «Плотничьи рассказы» (повесть) — 5 листов; рассказы «Кони» и «Клавдия» — 1,5 листа; «Случайные этюды» — 1,5 листа. Итого — 21,5 листа.

Если нужно отрегулировать в точности до 20 листов, то можно выбросить либо «Весну», либо еще что. Можно убрать и подразделы и т. д.

«Случайные этюды» выйдут в «Севере» на днях. Пошлю. Рукопись «Пл. рассказов» затребовал в журнале — пошлю тоже в ближайшее время. Что еще?

Не знаю, что мне делать с театром им. Маяковского. Они очень сильно настаивают на инсценировании «Пр. дела». Просто беда. А у меня совершенно определенный взгляд на драматургию. Драматургия драматургией, а проза прозой. А и обижать их не хочется, что ответить — не знаю.

Отныне сажусь за работу, хватит дурачиться. Если будет здоровье — до лета сделаю 1-ю часть — о строительстве мельницы — тыфу-тыфу! — не сглазить бы. У меня уже набросано кое-что. И бумага чистая есть (я не писал ничего, т. к. не было бумаги). Не смеюсь, а серьезно! Бумаги действительно не было. А ведь каждый раз, садясь за стол, непроизвольно, настойчиво, ищешь хоть какую-нибудь причину, только бы не начинать, ничего не делать. Зато уж если втянешься, то злишься не только на людей, на близких (что отвлекают), но даже и на kota, который веснует по ночам на лестнице. Помоги мне бог втянуться, разогнаться, тогда пойдет само!

Поздравляю тебя с большим семейным событием, Федотьевне почтительно кланяюсь.

18.02.68. *Белов*.

<18.03.1968> (Датируется по штемпелю на конверте. Но вполне возможно, что написано 18 февраля 1968-го. Большое семейное событие — я женился на Галине Ивановне, а маму звать — Татьяна Федотовна.)

«Виктор Васильевич, шлю поклон и спасибо за письмо. Бог с ним — с переизданием. Не вышло и не надо, меня это почему-то расстроило не очень сильно. И на то, что будут меня скоро поругивать, я гляжу как-то с юмором — пускай! Мне это (поверь хоть ты, т. к. никто этому не верит) будет одинаково неприятно, как и хвалебные штучки. Мне одного хочется, чтоб меня не трогали и не вспоминали... А прокормиться — авось не умру с голоду. Это я к тому, что заявку на несуществующую вещь я писать никак не могу.

Как идет жизнь?

Я вот никак не могу вырваться в Тимонику, все держат за хвост бытовые штучки.

Пока. Привет всей твоей семье.

29 мая <1968> Белов.

Читал ли ты Ф. Абрамова? Вот это истинная правда, не то что «Кончина».

(Датируется по штемпелю на конверте.)

«Здравствуй, Виктор Васильевич!

Я звонил, будучи в Москве, да тебя не было. А был я там мало и с женой, поэтому больше ничего и не смог. Насчет матерьяла для журнала. Ничего нету. Была статейка о языке — она идет уже в ж. «Русская речь». Погляди. Очерк есть недоделанный, но я его обещал Викулову.

А делать что-либо сейчас не могу — другие планы, выполнение которых и так очень затянулось.

Пока! Привет твоей жене и матери. Поклон также Ванюхе Пузанову, он, кажись, в «М. гвардии». И Капустину.

Да. Не сможешь ли ты помочь устроить несколько моих снимков у того фотографа, который в «Сов. пис.»? Мне очень надо, а прямо к нему обращаться стыжусь (я имею в виду плату, как, сколько). Жму руку.

20.01.1969 Белов».

«Виктор Васильевич, шлю поклон. Насчет статьи о деревенской теме в кино, дела такие. Она у меня написана давно и отлеживалась. Но о ней знали в «Н. мире», и я давно дал слово, что пошлю им. Теперь я ее вновь переписал, перепечатал и посылаю в «Н. мир». Отнюдь не ручаюсь, что там будут от нее в восторге. Поэтому не знаю, что дальше будет. Но по-скольку пообещал — надо послать.

Никаких пока романов не начинал — боюсь, да и дела засосали...

Да, спасибо за разговор с Лаврентьевым. Он мне послал необходимые снимки.

Пока! Сажусь за «Бухтины вологодские», потом шпарим с Астафьевым в деревню.

18 марта <1969> Белов».

(Датируется по штемпелю на конверте.)

«Виктор, посылаю поклон и спасибо, а также привет твоей семье (не прибавилась ли она?).

Статью я прочитал, она мне нравится, но кажется несколько затянутой и чуть менее злободневной, чем хотелось бы. И еще (это уже личное совсем) не очень приятно стоять в одном ряду с П. Проскуриным (по-моему, В. Астафьеву тоже). Ну, ладно.

Твое ехидное замечание насчет моего «замыкания в рамках «Н. мира» я принял не всерьез. Во-первых, я и не замыкаюсь, во-вторых, журнал то не так уж и плох, не считая некоторых пассажей типа дементьевской статьи и катаевского «Кубика». «Бухтины» мои там сейчас, но я не очень надеюсь, что пройдут. Статью для «М. гв.» обязательно сделаю, но когда — не знаю, хочется писать то, что задумал.

Насчет В. Оботурова. По-моему, это очень умный перспективный парень, и если портрет у него не получился, то это еще ничего не значит.

Теперь о письме в «Огоньке». Я бы это письмо не подписал. Не потому, что не согласен с мыслями против дементьевской статьи (с этими мыслями я согласен), а потому что, объективно, письмо против Твардовского. А ты подписал бы?

А Ланщиков подписал бы? (Кстати, передай ему привет, хотя я знаком с ним только по его выступлениям.)

Я не берусь судить за всех, но, как мне кажется, Витя Астафьев и Саша Романов тоже не поставили бы свои подписи против Твардовского, да еще теперь, когда его гонят из журнала. Все это очень сложные и хитрые штуки.

А меня теперь Михайлов объявил вне закона, не знаю, что и делать. Не переиздают, не печатают.

И правые и левые смыкаются против меня и Астафьева, хотя одни шумят за Россию, а другие шумят против лжепатриотов (Дементьев, к примеру). Те и другие стоят друг дружки. Ну, пока!

Я в деревне, прихожу в себя после поездки в Польшу и в Москву.
14.08.69 *Белов*».

«Виктор Васильевич, спасибо тебе за книгу. За сроки не ручаюсь, но прочту обязательно. (Речь идет о книге «Родные судьбы», изданной в «Современнике» в 1976 году. — В. П.).

(У нас, оказывается, почерки схожи.)

Да, а те два рассказа («Самовар» и «Скакал казак») так и выкидывают из всех сборников, хоть я и пытаюсь каждый раз вставить. «Казака» опубликовал Гончаров в «Подъеме», но без моего ведома вырезал главную сцену. Я взбесился, а с него как с гуся вода.

Но даже и после публикации в «Подъеме» — из книжек выкидывают.

В «Канунах» вон тоже выковыряли все, как начинку из пирога. Вот тут и пиши...

Ладно. Будь здоров. Семейству кланяюсь.

21.10.1976 *Белов*».

Как читатель догадывается, в последних письмах В. Белова говорится уже о другом времени (я перешел на работу в журнал «Молодая гвардия»), о котором еще речь впереди. А сейчас мы снова возвращаемся к счастливой поре — к работе в издательстве «Советский писатель».

Обратите внимание!

В электронной копии выпущены главы:

2. Образы Петра Проскурина (с. 159-163)

3. Полемика с Василием Беловым (с. 164-180)

4. Россия — любовь моя

Родное манит. Но в суете работы, в ворохе повседневных забот и дел все откладываешь, отодвигаешь поездку в родную деревню. И все же приходит день и час, когда говоришь себе: пора! Пора окунуться в воспоминания юности, поверить настоящее ценностями отчийей и дедичей. И вот она, моя родина, Рязанская земля, вот Стрелецкий луг, где я играл в лапту, рвал терпко-кислый щавель, пил ледяную родниковую воду из Мужичьего колодца. И конечно, вот они, мои земляки, люди разных судеб и несхожих характеров, но в чем-то коренном, главном схожие, близкие: в доброте, прямодушии, хлебосольстве. Память сердца неистребима. Она заставила меня отправиться в очень далекое и трогательное путешествие — в прошлое своих отцов и старших братьев, в страну своего детства.

Это путешествие я совершил не один. Моими друзьями, наставниками, попутчиками были книги о деревне — Грибачева и Стаднюка, Закруткина и Калинина, Анатолия Иванова и Проскурина, Залыгина и Дм. Жорина, Василия Белова и Виктора Астафьева, Бориса Можаяева и Евгения Носова, Виктора Лихоносова и Валентина Распутина, Сергея Крутилина и Михаила Алексева. Все, чем жили, болели, чему радовались их герои, было кровно, по-родственному близко и мне. Глубокие конфликты и радость их преодоления, горечь от бедствий и скупое счастье, торжество победы и драматизм повседневности, тревоги матерей и отцовская гордость — все это властно входило в мою душу, заставляя вновь и вновь переживать давние впечатления, собственные, невыдуманные.

...Городской подросток и подросток деревенский. Как много разделяет их! Конечно, количеством книжных знаний, культурными навыками городской мальчик превосходит деревенских ребятшек. Но у него нет драгоценного чувства природы, ощущения близости к ней. И тысячу раз прав Иван Стаднюк, когда взволнованно и приподнято размышляет об этом на страницах романа «Люди не ангелы».

Сын крестьянина, переехав в город, меняет многие привычки, самый уклад жизни. А дети его порой и не ощущают такого единства с природой, какое всегда присуще жителю деревни. Они вырастают на асфальте и уже считают его самым удобным и целесообразным покрытием земной поверхности. Представьте себе человека, идущего босиком по асфальту. Трудно? Бессмысленно. А я вот, приехав в свою деревню, решил пройти голый подошвой по родной земле, чтобы ощутить ее прикосновение. Да вот беда — то и дело приседал от боли. Я с завистью смотрел, как невозмутимо вышагивал по той же проселочной дороге мой маленький проводник.

— Неужто тебе не больно? — спросил я.

— Отчего больно? Ведь по земле иду, а не по стеклу толченому, — искренне изумился парнишка.

Этот маленький казус навел меня на размышления. Чем больше думал я о родной стороне, тем больше чувствовал, что той радости, какой ожидал от встречи со страной своего детства, я не получил. В воображе-

нии, издали все виделось по-иному. Огромное село с величественной церковью на холме; ряды крепких пятистенков; веселье, смех, ребячий гомон, шелканье пастушьего бича, вечерами — переливы гармоники и голоса гуляющей молодежи. Но это в прошлом, недалеко прошлом колхозной деревни.

А теперь всю землю обрабатывают машины. Уже и лошадь на поле встретишь редко. Только пастухи, как и раньше, сохранили в неприкосновенности свое обличье. Разве что сели все на лошадей да и зарабатывают не в пример прежнему ежемесячно не меньше 120 рублей. Сутки работают, сутки отдыхают.

Да, не нашел я прежнего села Хавертова. Даже некогда полноводная Жрака обмелела: снесена мельница. Но в быт моих односельчан прочно вошла новь, невиданная в пору моего детства. В домах земляков — радио, телевизоры, газ, паровое отопление. Не в пример лучше теперь с кормами. Повысилась материальная заинтересованность крестьянина.

Правда, часть молодежи по-прежнему недовольна. Деревенские парни и девушки читают те же газеты и журналы, что и их городские сверстники, слушают радио и смотрят телепередачи, учатся по тем же школьным программам. У них формируются столь же богатые запросы. А что они получают? В сельском клубе крутят надоевшие пластинки, показывают старые фильмы. А больше и податься некуда. Так порой возникает неудовлетворенность, начинаются поиски выхода из этого трудного положения.

Истинный художник всегда в пути, беспокойное сердце ведет его по разным дорогам необъятной России. Чаще всего, повзрослевший, он оказывается в родной деревне, ведет разговор с теми, кто помнит его, отца, мать, родных. Здесь он родился и вырос, здесь он познал первые человеческие радости, слезы, обиды. Здесь он научился смеяться и плакать, впервые подрался, отстаивая свои убеждения. Все здесь было впервые, если не с ним, то с отцом, дедом, прадедом.

Очень точно удалось передать свои чувства от встречи с родной стороной Юрию Сбитневу. «Сладко пахнет занявшейся в печах березовой корой. Запах этот поднимает в душе какие-то сокровенные чувства. Будит память о далеком теперь уже детстве, о песнях, что слышал с колыбели, о сырых грибных местах, о румяном жаворонке с глазами-изюминками, что уместился на плоской ладони бабушки, готовый вот-вот вспорхнуть, о санках-леточках, о всем том, что вписано в наши сердца большими, очень большими буквами — Р о д и н а».

Восстановить связь времен, органическую преемственность поколений — вот задача, которая встала перед художниками нашего времени.

В последние годы все чаще и чаще говорят о творчестве таких писателей, как Виктор Астафьев, Василий Белов, Евгений Носов, Виктор Лихоносов, Валентин Волков (видимо, список будет пополняться с каждым годом), говорят как о формирующемся литературном направлении.

В чем сила этих писателей? В искренности, бескомпромиссной правде. Истоки их творчества — в деревне. Прошлое и настоящее современной деревни — в центре идейно-художественных исканий пред-

ставителей новой волны в прозе. Вот почему художник уходит в свое детство: он старается понять самого себя через познание своих отцов и дедов. Но художник, раскрывая образы своих предков, не застывает в умиленности и не склоняется в восхищении перед ними, а воссоздает их образы во всей возможной полноте и многогранности. Да, они не запускали спутники, не руководили фабриками и заводами, не совершали исключительных подвигов. Но они рожали героев, воспитывали командиров производства, художников, писателей, наконец, сеяли, косили, собирали урожай, кормили всю страну и тогда, когда она воевала, и тогда, когда запускала спутники и космические корабли.

Не так давно (1967—1968 гг.) на страницах «Литературной газеты» развернулась дискуссия. В размышлениях некоторых критиков сквозь камуфляж «серьезных» и «продуманных» советов писателям ощущается опасение, что простой русский мужик становится настоящим героем современной литературы. Тут же, как и сто лет назад, заговорили о том, что молодые художники канонизируют в образах стариков немало косного и отсталого. Напрасно писатели, мол, восхищаются стариками — ведь они неграмотные, далекие от мудрости века. Они — это прошлое. «Не странно ли, если он и сегодня почитает свою малограмотную бабушку за высший эталон морали и мудрости? — восклицает маститый критик. — Найдём ли мы ответ у этих бабушек и дедушек на сложнейшие вопросы, стоящие перед нашим обществом, вопросы социальные, философские, нравственные?»

Вместо ответа на этот риторический вопрос хочется напомнить слова Белинского: «Мужик — человек, и этого довольно, чтобы мы интересовались им так же, как баринном. Если мужик не учен, не образован, — это не его вина... Ломоносов родился мужиком... Образованность — дело хорошее, что и говорить, но, бога ради, не чваньтесь ею перед мужиком: почему знать, что при ваших внешних средствах к образованию он далеко бы оставил вас за собою» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. X. М.; Л., 1960. С. 464—465).

Да и разве не доказала наша советская действительность правоту Белинского? Сколько вышло из деревни главных имен в науке и в искусстве после того, как хлебобоб получил самый широкий доступ к образованию: да и наш нынешний славный рабочий класс, люди, стоящие у станка зачастую с образованностью техников-инженеров, многие из них — это вчерашние дети крестьян.

Казалось, критика освободилась от догматизма и односторонности, а тут, пожалуйста, появился свежий образчик такой односторонности, граничащей с крикливым эпатажем: вот смотрите, вы все увлекаетесь прозой Виктора Астафьева, Василия Белова, Виктора Лихоносова, Юрия Сбитнева, а я считаю, что эта проза всего лишь канонизация отсталого и косного быта.

Казалось, что герои этой прозы полнокровно вошли в обиход современности со всеми особенностями их характера. Но нет! Кое-кому захотелось противопоставить тип «современного совестливца», тип русского мужика, русским академиком Курчатову и Королеву.

Надо бы радоваться тому, что молодые литераторы припадают к истокам, уж тут-то они и могут напиться незамутненной, свежей водицы; но нет, именно это и встречает возражение — как бы не получилось перепроизводства персонажей, в которых бы воплощались такие черты, как чуткость сердца, простодушие, кротость, причем незаметно происходит подмена качества: простота, а не простодушие, мягкость, а не кротость.

Что и говорить, в русском человеке и посейчас много простодушия, но это, как и прежде, идет от неумения притворяться, ловчить, от прямоты характера.

В. Белов, Е. Носов, В. Астафьев ослабеют как художники, если не коснутся матери-земли, не походят по местам своего детства, юности, где каждый кустик, каждый предмет о чем-то напоминает. Какая уж тут ностальгия! Это мудреное словцо здесь ни при чем. Как наивно разделять поэзию на интеллектуальную и неинтеллектуальную, так и прозу наивно разделять на лирическую и аналитическую. Принять такое разделение — значит оказаться в таком же смешном положении, как и один из критиков, взявший Виктора Астафьева в двух «ипостасях» — лирической и аналитической. Как будто художника можно разделить на части!

Доброта, совестливость, сердечность, простота — это как гены, они передаются из поколения в поколение, создавая традиционные национальные свойства, черты, особенности русского характера, русской души. Некоторые критики ратуют за активного героя современной прозы. При этом из числа активных героев современности выбрасывают таких, как беловский Иван Африканович, Екатерина Петровна у Астафьева, Власьевна и тетка Ариша у Сбитнева. Но чтобы прийти к такому выводу, нужно было упростить характеры этих персонажей, сделать односторонними, неглубокими в глазах своих читателей. Зачем нужно было некоторым критикам так обеднять нравственную программу этой прозы? Эта программа критиком сведена «всего лишь об один пункт» (скажем, «кротость», или «чуткость сердца», или «простодушие»). Нужно многое не заметить в образах Лихоносова, Сбитнева, Астафьева, чтобы вот так простодушно прочитать их произведения.

Мы тоже, как и Астафьев, Лихоносов, Сбитнев, желаем видеть современника личностью духовно значительной, обладающей зрелым гражданским сознанием. Но разве личность современника будет граждански значительной, если исконные черты нашего народа, такие как «беспримерная доброта и душевность», совестливость, простота, не войдут органически составной частью духовного его облика? Вовремя поняли художники, что нашему современнику просто необходимо побывать в их родных местах и поклониться благодарно человеку земли, действительно «безупречно усвоившему ее моральные уроки». Некоторые критики во всем этом увидели только лирическое повествование «во славу простых, не тронутых цивилизацией душ». Но это неверно. Все эти герои — люди сегодняшние, наши современники. И все, что было в этом веке, прочно вошло в их жизнь: революция, строительство социализма, война против фашизма, послевоенная страда. В жизни каждого человека,

как и каждого народа, есть глубинные черты, свойства и есть временные, паносные, преходящие. Художник раскрывает душу своих героев, раскрывает их неповторимость, воплощая особенности русского национального духа. Казалось бы, бесспорная истина. Ан нет! На страницах некоторых журналов и газет оспаривается это положение.

А стоит ли забывать, что проблеме национального характера, выявлению национального духа в искусстве много внимания уделял А.М. Горький?

«На вопрос, что наиболее характерно и выгодно для Франции, отличается дух ее от духа других наций? — я ответил бы: мысль француза почти совершенно чужда фанатизма, и точно так же ей чужд пессимизм» (*Горький А.М. Собр. соч. Т. 24. С. 249*). Почти в то же время в статье о Лескове он писал: «Нам снова необходимо крепко подумать о русском народе, вернуться к задаче познания духа его» (Там же. С. 235).

Белинский высоко отзывался о тех явлениях литературы и искусства, в которых художнику удавалось выявить «русский дух». Такими художниками были Пушкин, Гоголь, Лермонтов. В частности, о «Песне про царя Ивана Васильевича...» он писал: «Здесь поэт от настоящего мира неудовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошедшее, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим...» (*Белинский В. Избр. философ. соч. М., 1948. С. 284*).

Оказывается, не только по страницам статей М. Лобанова и Вл. Солюхина «разгуливают духи, духи, духи» (как могут духи разгуливать — это уж на совести критика), но и по страницам Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Горького.

Белинский, говоря о национальных различиях, утверждал: «И это различие не внешнее, но внутреннее; оно замечается в самом духе, а не в одних формах» (Там же. С. 341). «Что же до хорошего, которое составляет основу и сущность нашего национального духа, оно вечно, непреходяще, и мы не могли бы от него отрешиться, если б и захотели» (Там же. С. 344). Нам дороги эти слова.

Молодые писатели нашего времени пошли в деревню и обнаружили там алмазные россыпи русского народного языка (вспомните прекрасную статью К. Паустовского в «Литературной газете» (9 апреля 1955 г.): «Простые эти слова открыли мне глубочайшие корни нашего языка. Весь многовековой опыт народа, вся поэтическая сторона его характера заключалась в этих словах (родник, родина, народ) — эти слова как бы родня между собой»); цельность и глубину нравственного облика русского мужика. Не восхищаясь, не умиляясь виденным, а показывая советского человека таким, каков он есть на самом деле, молодые художники стремятся тем самым еще выше поднять его самосознание, дают ему понять, что он собою представляет в данный момент и что ему надлежит делать для собственного самоусовершенствования.

Еще во времена Белинского находились такие критики, которые национальное противопоставляли всему человеческому. «Национальность, — утверждали они, — выражает собою все, что есть в народе не-

подвижного, грубого, ограниченного, неразумного». Но «разделить народное и человеческое на два совершенно чуждые, даже враждебные одно другому начала, — говорил Белинский, — значит впасть в самый абстрактный, в самый книжный дуализм» (*Белинский В.Г. Избр. филос. соч. С. 301*).

Привожу эти слова не случайно. Авторам «Юности» совсем недавно пришли в голову те же мысли, которые великий критик относил к разряду «фантастического космополитизма». Стоило М. Лобанову вспомнить о русском национальном духе, пронизывающем многие произведения последних лет, как другие критики тут же начали упрекать его в пристрастии к «застывшему, ушедшему в прошлое деревенскому укладу». Иронически заговорили о «неизменных», «исконных», «корневых» нравственных устоях, от века присущих русскому народу. Стоило одним сказать о современном русском мужике как хранителе искони присущих ему высоких нравственных качеств, как им тут же напомнили, что Королев и Курчатов тоже воплощают в себе лучшие черты сегодняшнего народного сознания. Как будто последнее опрокидывает первое!

Можно упрекнуть М. Лобанова разве только в том, что он разделяет взгляды Белинского на русского мужика, но упрекать его в «эпигонско-славянофильском представлении о народе и народности» — это, по крайней мере, показывать плохое усвоение университетской программы.

«Россию нужно любить на корню, в самом стержне, основании ее», корень же, стержень России — «простой русский человек, на обиходном языке называемый крестьянином и мужиком...» (*В. Белинский*).

В индивидуальности различных персонажей резко проглядывают черты, которыми национальности отличаются друг от друга. Художник должен улавливать эти национальные особенности своего народа и воплощать их в художественные образы, что и делает их своеобразными, неповторимыми.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский замечал, что «национальные типы» может воспроизвести только художник слова путем «тонкого психологического анализа», потому что он располагает «всей роскошью красок речи и образных приемов творчества» (*Овсяннико-Куликовский Д.Н. Психология национальности. Пг., 1922. С. 5*).

Каждая нация имеет путь исторического развития, который определяет своеобразие быта, нравов, привычек, обычаев, и все это определяет национальные традиции; они уже пять с лишним десятилетий ярко обогащаются на социалистической основе.

Великий русский художник Крамской писал Репину, критикуя его картину на сюжет, чуждый ему (разговор идет о «Парижском кафе»): «Что ни говорите, а искусство не наука. Оно только тогда сильно, когда национально».

Вы скажете, а общечеловеческое? Да, но ведь оно, *общечеловеческое, пробивается в искусстве только сквозь национальную форму*» (*Репин И.Е. и Крамской И.Н. Переписка 1873—1885. М., 1949. С. 109. Курсив мой. — В. П.*).

В письме к Н.Ф. Мекк от 9 февраля 1877 года П.И. Чайковский замечал: «Как бы я ни наслаждался Италией, какое бы благотворное влияние ни оказывала она на меня теперь, а все-таки я остаюсь и навеки останусь верен России...

Стихотворение Лермонтова «Родина» превосходно рисует одну сторону нашей родины, то есть неизъяснимую прелесть, заключающуюся в ее скромной, убогой, бедной, но привольной и широкой природе.

Я иду еще дальше.

Я страстно люблю русского человека, русскую речь, русский склад ума, русскую красоту лиц, русские обычаи. Лермонтов прямо говорит, что «темной старины заветные преданья» не шевелят души его. А я даже и это люблю...» (*Чайковский П.И.* О народном и национальном элементе в музыке. М., 1952. С. 67—68).

Можно привести немало высказываний писателей, композиторов, художников других стран, в которых выражена общая мысль, что творец не может не отражать в художественных образах национальные особенности проявления чувства своего народа. Это настолько очевидная истина, что ее не стоило бы и доказывать, если бы в нашей литературе не распространились на этот счет ложные взгляды.

Ошибка некоторых критиков заключается в том, что они не понимают, что характер русского советского человека своими корнями уходит в великое прошлое народа. В статье «О моральном облике нашего народа» М.И. Калинин писал, что мораль нашей партии есть и мораль нашего народа, что мораль современного человека имеет свои истоки в истории народа: «Эти истоки уходят в глубь нашей истории; задача их выявления падает на исследователей духовного развития русского народа» (*Калинин М.И.* О коммунистическом воспитании. М., 1947. С. 248).

Характер каждого народа формировался в течение десятков веков и имеет определенные, устойчивые свойства и особенности. Русский национальный характер формировался в условиях многовековой, исключительно острой и напряженной борьбы народа за свое существование, за сохранение своей независимости и свободы. Именно эти условия способствовали выработке тех черт национального русского характера, которые проявились и в войнах с Наполеоном, и в трех русских революциях, и в годы Великой Отечественной войны.

Поэтому когда писатели, психологи, критики подчеркивали (каждый по-своему, конечно) только новые черты, возникшие в результате революции, совершенно не улавливая в современном им русском человеке того общего, что навсегда останется у людей определенной нации, то в их работах получались абстрактные, схематичные люди, похожие друг на друга, без крови и плоти.

Дух своего времени, дух своего народа можно глубоко и полно передать только тогда, когда писатель имеет возможность получать от жизни точные и конкретные наблюдения. И эта физиономия народа должна отразиться в художественных образах.

Всеми признано, что Фауст, Гамлет, Дон Кихот, герои Достоевского и Толстого — гениальные «общечеловеческие» типы, но разве можно за-

бывать, что и Фауст, и Гамлет, и Дон Кихот, и герои Достоевского, и герои Толстого — это воплощение социальных, национальных, исторических особенностей человеческого характера, того конкретного времени, которое пришлось изображать этим писателям.

После Великой Октябрьской революции много нового вошло в жизнь наших народов. Новые исторические условия каждый раз вносят свои коррективы, но национальный дух по-прежнему живет в каждом народе. И не только в годы, когда нависает страшная угроза иноземного нашествия, но и в сегодняшней повседневности.

И если писатель не улавливает особенностей национального характера своего героя, то, значит, он действительно изобразил и характер, и обстоятельства его жизни поверхностно, внешне. И спорить об этом — все равно что ломиться в открытую дверь. Чаще всего эти споры возникают вокруг так называемой деревенской прозы. О некоторых произведениях этого направления в советской литературе и пойдет здесь речь.

Отношение к деревне всегда служило мерилom нравственных ценностей. По отношению к деревне будущие поколения станут судить об успехах нашего времени, о моральном и нравственном облике нашего поколения.

Какие проблемы, вопросы интересуют современных крестьян? Что происходит с душой крестьянина, какие нравственные процессы протекают в ней?

Современная литература о деревне — очень сложное и противоречивое явление. И разобраться в ней — нелегкая задача. Было так: вчера ругали писателя за то, за что его сегодня хвалят. Ругали те, кто свое газетное знание о деревне сравнивает с тем, что получилось в очерке, повести, романе. Ругали за этот отрыв от газетного знания.

Вспомним очерк Федора Абрамова «Вокруг да около». В оценке этого очерка проявился особенно наглядно тот принцип, который сейчас получил очень точное определение: субъективизм и волюнтаризм. Партия всегда говорила писателям: пишите правду, только при полном знании всех сторон жизни можно выработать правильное отношение ко всему происходящему. Ф. Абрамов не претендовал на обобщение. Он только описал конкретный факт, дал некоторые эпизоды из жизни своего родного села.

В известных решениях, постановлениях партии прямо говорилось о тех ошибках, порочных методах руководства сельским хозяйством, которые были в период субъективизма и волюнтаризма. Вот что говорил А.Н. Косыгин на сессии Верховного Совета СССР в 1966 году: «В руководстве сельским хозяйством допущены серьезные ошибки: нарушение принципа материальной заинтересованности колхозников, увлечение администрированием, непрерывными организационными перестройками — все это пагубно отражалось на состоянии сельского хозяйства».

В очерке Ф. Абрамова как раз и сказано о том, что увидел писатель в родной деревне, и сказано обо всем без утайки, поставлен тем самым диагноз некоторых болезней.

Глубоко дан образ председателя колхоза Анания Егоровича Мысовского. Он бескорыстно предан колхозному делу. Хорошо разбирается в людях, в земле. Умеет ладить с людьми. Не без труда ему удалось уговорить молоденьких девчонок стать доярками. В 30-х годах он сам организовывал колхозы. Но в послевоенный период мелочная опека различных организаций ставила колхозников, и особенно председателей, в глупейшее положение. Ведь как бывало: выдалась погода — нужно скорее косить траву, убирать сено, а в это время из района следует грозное указание — заготавливать силос, хотя колхозники лучше знают, что им делать в данное время: косить траву или заготавливать силос.

Ананий Егорович прав, когда в отчаянии думает об этом противоречии: «положено или нет хоть изредка и колхозникам шевелить мозгами». А колхозники на общем собрании решили, что силос и в сырую погоду взять можно, а сено не возьмешь. И вот это решение пришлось отменить под нажимом района, взяться за силос, а результат плачевный: ни силоса, ни сена. «Нет, он не оправдывал себя. Это он, он отдал распоряжение снять людей с сенокоса, когда еще стояла сухая погода. А надо было стоять на своем. Надо было ехать в город, в межрайонное управление, драться за правду — не один же райком стоит над тобой! Но, с другой стороны, и колхознички хороши. Они-то о чем думают? Раз с сеном завалились, казалось бы, ясно: жми вовсю на силос — погода тут ни при чем. Так нет, уперлись как тупые бараны — хоть на веревке тащи». Как видим, многое и председателю непонятно. Проклятые вопросы так и лезут ему в голову. Если посмотреть внешне, то правда на его стороне: действительно, раз с сеном не удалось, надо за силос браться. И вот он в тяжком раздумье смотрит на деревню. Там жизнь идет своим чередом, «сейчас уже по всему косогору тянулся дым», значит, отсиживаются дома, обогреваются. Можно ли с таким народом поднять колхоз? И председатель идет взывать к совести людей. Пропадет колхоз без человеческой силы, без человеческих рук. А чем зажечь потухший интерес к земле?

Решения ЦК КПСС по этим наболевшим вопросам глубоко и точно вскрыли причины создавшегося положения в деревне, восстановили в своих правах принцип материальной заинтересованности, что незамедлительно сказалось на благосостоянии деревенского люда. Поиски талантливго писателя, идущего от каких-то конкретных наблюдений, порой очень личных, субъективных, способны отразить некоторые существенные явления своего времени.

Но задача писателя ведь не только в обнаружении жизненных противоречий. Поставить серьезные экономические проблемы можно и в очерке, и в газетной статье. «Искусство начинается там, — писал Горький, — где читатель, забывая об авторе, видит и слышит людей, которых автор показывает ему».

«Братья и сестры», «Две зимы и три лета» Федора Абрамова воссоздают жизнь северной русской деревни в тяжелые военные и послевоенные годы. Сложные проблемы — социальные, экономические, политические — решаются в столкновениях различных людей. Свое сердце

автор отдал таким, как Мишка Пряслин, Лукашин, Анфиса Минина. Да и сколько чудесных, душевных, стойких, мужественных характеров создано Федором Абрамовым — художником!

Но если совсем недавно писатели остро ставили вопросы политической и экономической жизни деревни — здесь были свои недостатки, свои трудности, — то сейчас проблематика меняется. Художник приводит нас в деревню не за этим. Внешнее видно всем. Художник создает образы людей, которых мы принимаем или не принимаем. Верим или не верим в подлинность происходящего перед нашими глазами. Он приводит нас в деревню затем, чтобы мы увидели полномерный мир, где экономическая сторона жизни лишь внешняя оболочка, скрывающая глубины духовных исканий и нравственных переживаний. И этот мир художник старается запечатлеть, воссоздать во всех красках бытия, со всеми трудностями, поисками и радостями.

В русскую советскую литературу вошла плеяда молодых талантливых прозаиков, вошла без шума и треска, без скандальных ошибок. Василий Белов, Виктор Лихоносов, Евгений Носов, Петр Проскурин, Владимир Чивилихин, Валентин Волков, Юрий Сбитнев, Виктор Астафьев, Валентин Распутин — вчера еще ничего не слышали о них. Но они уже где-то бегали босоногими мальчишками... Один из них уже слушает шум леса, шепот трав, прислушивается к журавлиной перекличке, всматривается в то, что другие не замечают и не заметят никогда. Никто ему не говорил, что все это может войти потом в книгу составным звеном его исследования мира, ему это просто интересно — все эти звуки, запахи. краски формируют его представление о жизни.

«Глядеть на зори, следить за их началом и угасанием, воспроизводить их и пересказывать другим; с самого детства гонять в ночное лошадей. сначала бояться каждого черного куста, а потом привыкнуть; ходить от дерева к дереву, пробуя листья на вкус; опускаться с головою в глубокие низинные туманы, подниматься из них на бугор, чувствуя, как меняется с каждым шагом прохлада воздуха, — это все ведь и есть начало творчества, пока не умеешь читать и писать». В этих словах Валентина Волкова — сущая правда об истоках поэзии в сердце писателя.

У каждого из писателей — своя жизненная тропа, своя человеческая судьба, но все они — и Астафьев, и Носов, и Белов, и Лихоносов, и Волков, и Распутин — едины в своем неистребимом желании рассказать подлинную правду о своих современниках, о тех, кто запомнился своей человечностью, бескорыстием, мужеством, добротой, истинно русской простотой.

Перед нами проходят столько непохожих судеб, столько непохожих деревень и сел, по стольким лесам мы бродили вместе с героями, со столькими людьми спорили, соглашались, любили, плакали, смеялись. Огромный мир, населенный разными людьми, предстал перед нами в его историческом и социальном движении.

Временное и вечное в жизни общества всегда находились в тесной взаимозависимости. Временное всегда было формой проявления вечного.

Многие художники пришли в литературу, чтобы утверждать мысль, которая временами иными литераторами затушевывалась, — мораль сегодняшняя глубокими корнями уходит в прошлое нашего народа.

Эта мысль стала центральной в повести «Деньги для Марии» Валентина Распутина. Сюжет ее прост. Все отказывались работать продавцом в магазине. Знали — несдобровать. А Мария взялась: детей много. Можно отлучиться посмотреть за ними, а если кто и придет в магазин, крикнет, ведь недалеко. Старалась быть честной и ровной для всех. Никого не выделяла из своих друзей. Кто первый придет, тот и получит дефицитный товар. Знала ли она, что может оказаться в таком положении: у нее недостача в тысячу рублей.

Муж Марии сначала потерялся, не знал, что делать. Кажется, не по силам тяжкая беда. Куда ни кинь взглядом — всюду живут такие же, как он, люди. У всех свои нужды, свои заботы. Кто поможет?

Смысл повести, пожалуй, ярче всего раскрывается в двух эпизодах.

Приходит к Кузьме старый дед Гордей, приходит с тем малым, что мог он «выклянчить» у сына. Для него и пятнадцать рублей большие деньги, но он их отдает с радостью. Все здесь очень трогательно: и то, как дед растерялся от страха, что Кузьма не возьмет добытые им деньги; и то, как он обрадовался, когда Кузьма с внутренним сопротивлением все-таки взял эти деньги.

Дед Гордей недаром рассказывал Кузьме, как в давние времена люди помогали друг другу: «Когда у нас раньше бывало, чтоб деревенские друг дружке за деньги помогали? Хоть дом ставили, хоть печку сбивали — так и называлось — помочь. А теперь все это за деньги... Везде выгоду ищут — ну не стыд ли?»

Как видите, эта позабытая форма крестьянского бытия — бог в помощь — иногда проявляется. Человек не одинок. Всегда ему придут на помощь люди. И эта светлая по своей тональности мысль окрашивает всю повесть.

В поисках денег начинается тяжкий путь Кузьмы, человека совестливого, прямодушного, чуткого к чужому горю, сердечного, застенчивого до стыдливости. Ему совестно, что из-за его беды остаются без зарплаты специалисты колхоза (по предложению председателя они отказались от зарплаты в пользу пострадавшего); ему горько видеть, как Евгений Николаевич, обещая ему дать сто рублей, усиленно подчеркивает, какое большое дело он делает. Добро, оказываемое людям, не должно быть громким, иначе оно теряет свою силу. А Евгений Николаевич, давая деньги, при этом трезвонит по всей деревне, чтоб люди знали, какой он добрый. И Кузьма уже не рад этой помощи. Эгоистическая доброта тем и отличается от подлинной доброты, что делается не во имя ближнего своего, а для собственного возвеличивания, для утверждения собственного авторитета. Истинная доброта молчалива, а не кричит о себе на всех перекрестках.

В связи с этим вспоминается мне рассказ матери. Самое страшное горе — пожар. В одночасье человек мог оказаться на улице в чем мать родила: без крова, без лошадки, без всего нажитого. И вот когда слу-

чалось такое в деревне — люди помогали, чем могли. Однажды дед отвез погорельцу воз ржи и воз соломы для крыши. А через год начисто сгорели наш дом и подворье. Помогал каждый, чем мог. Вот так от деда к отцу, от отца к сыну сформировалась эта черта русского человека — помогать в беде.

Об этом и говорится в повести Валентина Распутина. Человек должен усвоить простую истину: никто не застрахован от неожиданностей, от случайной беды. «Живешь, живешь и не знаешь, с какой стороны тебя огреют...» Еще вчера все ладно было, а сегодня сердце окутано тучами, а белый свет не мил, и можно потерять веру в людей, не торопящихся на выручку.

Плохо остаться одиноким в беде. Если остался одиноким, значит, либо люди плохие, либо сам ничего не стоишь. А если не хочешь остаться наедине с бедой, надо знать, что если сегодня не поможешь человеку, то завтра ты окажешься в таком же положении. «А завтра кто-то другой на очереди. Может, не из нашей, из другой деревни, а потом и до нашей снова дойдет — до меня или еще до кого. Вот и надо держаться друг за дружку». В этих словах Василия выражена исконная черта ушедшего в прошлое русского деревенского быта. И ничем вроде не помог: денег он не принес, но пришел разделить горе с другом, поддержать добрым словом, поднять настроение.

Шутка разрядила гнетущую атмосферу. Кузьма повеселел. И горе показалось уже не таким тяжким. «Рядом с Василием Кузьма чувствовал себя легче, и беда его не стояла теперь комом в одном месте, а разошлась по телу, стала мягче и как бы податливей».

Трудно, ох как трудно вот так ходить и просить денег! Василий не дал, у него нет. Но вот Степанида не дала. Евгений Николаевич дал, но растрезвонил на всю деревню. И ничего не сделаешь.

«...Больше половины из тысячи он с грехом пополам достал. Ходил, унижался, давал обещания, где надо и не надо напоминал о ссуде, боясь, что не дадут, а потом, стыдясь, брал бумажки, которые жгли руки и которых все равно было мало». И теперь вот, в поезде, вспоминает день за днем свой страдальный путь по мужицким дворам. А ведь все могло быть по-другому. Ему трудно признаться в этом самому себе. Он такой, что ему тяжело просить, совестно брать, а выхода нет. Вот и ходил, просил, одновременно страдая и мучаясь от неправоты этого заведенного порядка. И ему снится сон: будто на общем колхозном собрании принимается решение помочь Кузьме и Марии, сброситься по пять рублей на брата и выручить человека из беды. «И вот стол, за которым сидели Кузьма и Мария, — уже не стол, а ларь и в него со всех сторон, из многих-многих рук падают деньги. Через пять минут ларь полон. Мария не выдерживает, плачет, и слезы, как горошины, падают на деньги и со звоном скатываются внутрь». Вот безболезненный выход из положения. Кузьма боялся даже подумать об этом, но где-то внутри эти мысли таились, и это тайное пробилось во сне. Видится Кузьме, будто едет он в машине со специальным устройством, которое останавливает машину только там, где есть деньги. Он стучит в окно,

ему выносят деньги, и он едет до следующего дома, и все повторяется снова.

Но все это мечты, а реальность другая. Трезвее, жестче. Кузьма взял деньги у матери Василия, отложившей их на смерть, на поминки. Он прошел через многие унижения, лишь бы выручить из беды свою жену, мать его четверых сыновей. Он страдает, иногда падает духом и вместе с тем смеется, шутит, велит своему старшему сыну успокоить младших — все у них будет хорошо.

Очень важны для выяснения идейно-художественной концепции повести эпизоды в поезде. И в том, как Кузьма ступает по ковру, и в том, как мучается, не зная, куда приспособить свою поношенную фуфайку (не поверх же дорогого коричневого пальто?) и сумку, и в том, как неумело засуетился, пытаясь опустить верхнюю полку, и в том, как присел на краешек нижней полки, — во всем этом обнаруживается душевное состояние Кузьмы.

Характерен спор о деревне, затеянный в купе неким Геннадием Ивановичем. Трудно поверить в то, что вот такой Геннадий Иванович есть, настолько неправдоподобны его суждения о деревне. Чем-то устаревшим, затхлым несет от них.

Получалось, что деревня находится в несколько привилегированном положении: машины продаются по заниженным ценам, а хлеб покупается по повышенным, «и она со своей всей деревенской хитростью и расчетливостью уж давно поняла, что решать все свои проблемы своими силами ей невыгодно...».

Разговор затухает, пассажиры не захотели обременять себя серьезными разговорами, в дороге лучше в преферанс сыграть, а Кузьма промолчал, подумав про себя: «Ага, все дураки, один ты умный», — на обличительные против деревни слова Геннадия Ивановича. Не понравились Кузьме эти люди. Кузьма из этого вагона уходит в другой, где люди оказались попроще, все здесь понятно, ясно. Хотя здесь свои сложности, свои заботы.

Художник сталкивает людей разных поколений для того, чтобы ярче выявить одну из центральных мыслей своей повести: люди, помогайте друг другу словом, делом, не бросайте друг друга в беде.

В одном купе вместе с Кузьмой оказались пьяный парень и супружеская пара. Здесь противоречия развиваются уже по другой линии. Кузьма наблюдает за этой парой. Много лет прожили они бок о бок, сколько ласки, доброты, человечности в их отношениях. Внимательно присматривается и к парню, бросившему жену и ребенка. Под влиянием Кузьмы крепко задумывается парень. Внешне он кажется пустоголовым, легковесным, таким, о которых говорят: без царя в голове. Таким он прикидывается, наговаривает на себя гораздо больше, чем на самом деле. Бывают такие, которым легче становится от того, что их поругают, постыдят за содеянное. И чем больше стыдят, тем легче им становится. Вот и этот парень не получил поддержки, а убедился в другом — старики-то действительно дружно прожили всю свою жизнь, не изменяли друг другу, не ругались, и больно ему стало за свою непутевую жизнь, где ежеднев-

ные пьянки изводили жену и ребенка; не вытерпев беды, она вынуждена была от него уйти. Не только два поколения, два разных отношения к жизни проявились в этом столкновении. Кузьме хорошо с ними. Они люди интеллигентные, но различия в положении он не ощущает. Он уже не стесняется их, вступает в разговор. Она тоже из деревни и уважает деревенских; говорит Кузьме, что все люди родом оттуда, из деревни, только одни раньше, другие позже, и одни это понимают, а другие нет. Кузьме это нравится, он поглядывает на старика, что скажет он, но старик молчит. И доброта человеческая, уважение к старшим и трудолюбие, думает Кузьма, тоже, наверное, родом из деревни. Вот уже совсем другое отношение к деревне и к деревенским, поэтому и хорошо Кузьме с ними, по-настоящему интеллигентными людьми. Недаром и этот парень, хоть и бравируя и «выламываясь», серьезно задумывается над своей нелепо сложившейся жизнью. Всех он мерит на свой аршин: кто «не изменял своей жене, тот вроде дурака, нет у него интереса в жизни» — так формулирует свое жизненное кредо парень, ссылаясь, что это он вычитал у одного писателя. Парень верит в то, что верность своему супружескому долгу может еще оставаться в деревне: «Там все на виду... Там бояться». Нет, не бояться, «там сходятся, чтобы вместе жить», — возражает ему Кузьма.

Еще в молодости старик и старуха решили, что все будут вместе принимать — «и радости, и горе, и смерть тоже». И надо было видеть, с каким участием и теплотой обращается она к своему старику, вместе с ним переживая их общую болезнь — болезнь сердца. «У нас на двоих только одно больное Сережино сердце». И парень, глядя на них, уже всерьез подумывает помириться с женой.

Художник не зря сводит в одно купе столь разных людей. Ему важно преподать пример высокой нравственности. Деревня — хранительница этих моральных устоев. Парень сам из деревни, в нем еще живы отцовские традиции.

Суровая правда повести Валентина Распутина в том, что здесь нет облегченного конца, нет всем надоевшего благополучия, которым чаще всего завершаются подобные конфликты. Да и не в концовке дело. Кузьма за несколько дней поисков понял, что у него есть друзья, есть люди, которые в дни испытаний встали рядом и помогли ему своим дружеским участием.

О многом заставляет подумать эта талантливая повесть. Вот об этой органической связи старой и новой России, выраженной в преемственности всего лучшего в народе, и повели разговор Виктор Астафьев, Петр Проскурин, Василий Белов, Виктор Лихоносов, Юрий Сбитнев, Евгений Носов.

У Валентина Волкова не так уж много опубликовано: повесть «Последняя невеста» да несколько рассказов. Но уже сейчас можно увидеть в нем многообещающего прозаика со своим видением мира, со своим индивидуальным лицом.

Вот Никитка наткнулся на огромную круговину ягод. Может, первые противоречия в своей душе преодолевает маленький человек: хо-

чет ягодку бросить на язык, но тут же вспоминает о больной матери. «Ему стало радостно от ожидания той минуты, когда он протянет матери ягоды и она обрадуется, улыбнется, погладит его по голове». Но не радость его ожидала, а слезы. В то время как он собирал ягоды, гуси, которых он должен был пасти, забрели в капусту соседа и попортили ее. Мать, когда он, возбужденный и радостный, влетел к ней с ягодами, накричала на него и ударила.

Все бывает в детской жизни: и подзатыльники, и пощечины. Но здесь выбран как раз такой момент, когда два противодействующих чувства столкнулись в душе мальчишки: радость и обида. Конфликт между матерью и сыном был тут же ликвидирован, но чувство горечи прочно въедается в читательское сознание. Обычный случай — мать наказывает сына. Но сколько здесь грустных деталей: два года назад она потеряла мужа и только вчера была на кладбище, наревелась, пришла домой, вся расстроенная, больная, слегла, измученная своим горем. И так тяжело, а тут еще неприятность — гуси забрели к соседу и потравили капусту. Не выдержала и сорвала обиду на сыне; но тут же, винясь перед ним, приласкала, долго целовала его соленые от слез глаза, попеняла за измазанную в ягодах рубашку, а он деловито отдавал ей оставшиеся ягоды. Все просто, буднично, обыкновенно, но рассказ В. Волкова вызывает какое-то тоскливое, щемящее чувство, хотя обида мальчонки прошла.

Доброта — это одно из важнейших человеческих качеств. И здесь доброта разлита во всех: и Никитка, и мать, и бабушка-сосед — три поколения людей, выросших в деревне, и все они добры.

А вот другой эпизод. Всю жизнь, не зная отдыха, работала Настасья Ивановна. Только годов до семи или восьми играла в куклы, а потом началась трудовая жизнь. «И пряла, и жала, и скородила верхом на лошади, и пахала, и сеяла. А как война подошла, мужика забрали с ребятами — тут и плотничала, и мазала, и корм, и дрова, и одежду — все добывала одна». И после войны то же самое. «...Только пахала да скородила не на лошадях, а на коровах. Подоишь ее, поведешь ее запрягать, а она ревет, валяется, слезы возьмут. Потом лошади появились, потом, вот уже недавно, машины. Ну, тут полегчало, а то все руками делали: и лен плели, и пеньку, и картохи терли, крахмал сдавали». И так почти каждый день шестьдесят лет. Если только захворает, не пойдет. «Весь долгий век спешила она, суежилась, трудилась, а теперь как-то сразу успокоилась, притихла, словно сделала самое большое в жизни». Она просто женила сына, и невестка переложила домашние ее обязанности на свои плечи. И Настасья Ивановна не знала, что делать со свободным временем. Так оно было непривычным: она испугалась своей праздности. Оказавшись как-то в лесу, куда часто приходила косить, собирать гнилушки, она, «может быть впервые за свою жизнь, увидела красоту окружающего ее мира, насладилась приятной, ласковой тишиной. Здесь, в лесу, становилось как-то легко, словно душа попросторнела и дыхания стало больше. Словно все, что было в ней смято, подавлено целой жизнью, выпрямилось теперь, поднималось и росло, обновляя сознание». Ничего особенного и здесь не происходит,

но возникает то же чувство горделивости за человека, преодолевшего все невзгоды и трудности, сохранившего в своей душе место для ощущения прекрасного. Красота эта повсюду, она разлита в лугах, в озерах, на водной глади которых живописно пестрят гуси, утки, в зелени трав, в шелесте деревьев, во всем, что окружает человека...

Лирический герой Виктора Лихоносова — временный житель деревни, он — горожанин. Он приехал сюда и скоро уедет. Но он глубоко и остро переживает все, что здесь происходит. Восхищается вечерним небом, лугами, лесом, закатом, тишиной. Много здесь доброго, хорошо, заметна сердечность, душевная щедрость, привязанность к земле.

Читаю рассказы В. Лихоносова, и все время не покидает меня такая мысль, что все это написано человеком искренним, с болью переживающим все беды и несчастья, которые выпадают на долю его героев. У него все пронизано удивлением и преклонением перед этой жизнью, такой простой и безыскусственной.

На Брянщине туго жилось. Только на Кубани жизнь полегчала. Но и здесь Терентий Кузьмич постоянно, с утра до позднего вечера, в трудах и заботах, «до сих пор не выпускает из рук бича, до сих пор пасет колхозных коров, гоняет их весь день по лучшим местам». Все в них нравится рассказчику: и то, как они обедают у речки, и то, как «старуха процеживает в крынку вечерошник, изредка замолвит про день, про письма, то посмеется, то попечалится, то удивит словом брянским». На все эти такие мирные, идиллические картины рассказчик «благодарно-радостно» глядит. Ему радостно смотреть, как хлопочут старики, когда к ним заглядывают гости. «В такие утра я был с ним не раз и очень радовался пробуждению до света, когда ждешь, пока не забелеют сквозь зелень стены хат, когда все запахи леса и поля отстоялись и свежо, неповторимо терпко пахнут на тропках...» (рассказ «Брянские»). Все здесь радует В. Лихоносова: и родниковая вода с привкусом листьев, и запахи пробуждающейся от сна деревни, и разнообразие цветовых оттенков, которые образуются при столкновении ночи и дня...

Виктор Лихоносов словно не избирает своих героев: повстречался, разговорился, и новая жизнь, новый характер захватили его. Обычный человек, обыкновенный характер, но для Лихоносова каждый человек — это чудо природы, а чудо всегда достойно восхищения, внимания и уважения. Каждый человек по-своему интересен, своеобразен, глубок. Только не каждый художник в обыкновенном может увидеть необыкновенное, какую-то удивительную гармонию внешней обыкновенности и неповторимой индивидуальности.

Человек у В. Лихоносова показан в такие моменты, когда он общается со своими друзьями, знакомыми, соседями. Человек становится больше самим собой, ведет себя без напряжения, просто, буднично. Ведутся немудрые разговоры, выясняются отношения между людьми. Все просто только на первый взгляд, а посмотришь глубже — все поворачивается по-другому. И веселость сменяется болью, тоской; комические пересуды, бабьи сплетни — драматическими воспоминаниями о погибших в минувшую войну. И это большое общее горе заслоняет

сегодняшние мелкие дразги, житейские счеты. И нет у них уже взаимных обид. Все они не злопамятны, быстро отходчивы. Любят посудачить, любопытны. Быстро начинают ссоры и быстро идут на мировую.

Варвара на несколько часов приютила у себя трех «домохозяев»; к ней часто забегали просто так, зная ее мягкость, добросердечность, приветливость. Как только накапливаются страсти, она начинает их мирить, а то и поднесет по стаканчику. Вот так и развяжутся бабьи языки, выплеснут сегодняшнее горе. У одной сын женился, не спросив ее родительского благословения. Она, конечно, понимает, что сейчас все по-другому, чем в прежние времена, и дело не в согласии ее («Я бы, конечно, не отказала, пусть только хорошую выбирает, ему жить — не мне»), а в том, что такой уж порядок, «из веку так идет». Это горе и привело ее к Варваре. Тут и поплакали все, погоревали, посудачили, спели и, облегченные от своих переживаний и горестей, разошлись по своим домам. Ничего не произошло. День прошел вроде бы впустую. Но то был особый день — День Победы. И поплакали, повспоминали. Обмыли слезами свое затаившееся горе.

Вот такие обычные дни в жизни своих героев и выбирает В. Лихоносов. Трудно сложилась судьба Марее. Красивая, сильная, завидная невеста, в ту пору она упала в колодец, простудилась, заболела. Все время у нее что-то ломит, ноет, болит. Тело ее становится немощным, все меньше и меньше помогает она по хозяйству. Брату и золовке она надоела. Ее присутствие в доме тяготит их. Они уже открыто гонят ее. Тело-то у нее немощное, а сердце доброе, безотказное. «Надо кому-то отлучиться по делу, бегут к Марее, просят поглядеть за ребятами и покачать маленького. Марее не отказывает, садится в их ограде на приступки крыльца, берет ребенка на колени, забавляет его одной и той же песней: «Бежал зайчик по дороге, прыг-скок, прыг-скок...»

И так уж повелось с давних пор: ни в чем не умеет отказать Марее. По силе возможности помогает она многосемейным и одиноким, и кругом-кругом люди для нее как родня. Всех бы она мирила, всякому бы отдала последнее, угождала бы молодому и старому, за каждого бы переживала, заступалась, прося своим жалостным голосом: «Не ыбижай-ате друг друга». И потому все зовут ее, манят к себе жить — обещают покой».

Ее все волнует, она все принимает близко к сердцу. Все звуки в деревне ей знакомы. Она может точно определить, кто куда едет и зачем. Она ходит по рынку, справляется о ценах. Наблюдает и такую сцену: пьяный мужик разыгрывает Федю-дурачка. Видим, с каким напряжением этот контуженный на фронте Федя старается вспомнить слова песни. И это забавляет пьяного. Но за Федю вступает женщина с ребенком, зовет к совести, к жалости. «Какие все-таки есть люди», — сокрушенно качает она головой. По отношению к таким убогим проверяется человек, сочувствует или глумится, жалеет или насмехается — это зависит от нравственного мира человека.

Степан, брат Марее, и Тоня, его жена, не пользуются уважением в деревне. Тоню называют жадной, она все стремится заготовить впрок: а вдруг война? Степан живет справно, зарабатывает много, но в его

доме стали появляться сомнительные личности, больше стало секретных разговоров о продаже, об обмене. Марeya не слышит этих разговоров, но по всему видно, что брат занимается «нечистыми делами». «Ей горько бросается в глаза, как ласковы и внимательны ее родные к посторонним дядям... какие чистые, выстиранные больными руками Марей простыни они стелют и наутро посылают ее в магазин за подкреплением! Молча, без слов плачет она тогда». Марeya беззащитна, бессильна, как бы из милости живет у своих родных. Много работает на них, но ее труд совершенно не ценится. Упреки, оскорбления, обиды так и сыплются на ее несчастную голову. И каждая обида больно бьет ее в сердце. Резвее она виновата в своем несчастье? Так уж сложилась жизнь. Горько и обидно ей видеть, как с годами разрушается могила матери, Степану все некогда ее подправить, сделать ограду. «У чужих могилки как могилки, а на нашей повалилось все», — упрекает она брата в нерадении к памяти матери. Незамысловат ее духовный мир, просты ее желания. Она добра, скромна, благородна, бескорыстна. Она готова все сделать для людей, но когда Степан посылает ее за бутылкой, она отказывается. Помогать таким, как Степан и Тоня, она считает безнравственным.

За ласковое отношение к себе полюбила Марeya сына Гути, молодого археолога, наезжавшего к матери. Ей дорого его внимание, доброе обхождение с нею. И она это ценит, добром вспоминает его. А когда Гутя примеривает на ней кофточку и называет ее красивой, Марeya, довольная, «счастливо улыбается», смотрится в зеркало, показывая себя «то одним боком, то другим». Так мало ей нужно, чтобы быть счастливой!

В. Лихоносов, несомненно, встречал таких людей, как Марeya. И в словах молодого археолога, размышлявшего о судьбе Марей, звучит и авторский голос: «...глядя на нее, Марекю, он часто почему-то задумывается о чем-то далеком, ветхом, когда глухо и грустно было по всей русской земле. Но нет ведь, — думает он тут же, — нет: не из далеких времен пришла к нам она, с нами она живет, и никуда не денешься, не спрячешь ее, не выкинешь».

В. Лихоносова неудержимо влечет к себе судьба женщины со всеми ее горестями, радостями, тревогами и обидами.

Подлинный талант всегда многогранен: столько вбирает он в себя от окружающей действительности, что выразить все свои впечатления, мысли, чувства в одной из литературных привычных форм ему просто невозможно. Признанный поэт становится прозаиком, а драматург переходит на прозу. И чаще всего бывает так, что наиболее значительные вещи писатель создает совсем в другом жанре, чем ожидалось.

Талантливый поэт, яркий публицист Николай Грибачев «вдруг» обнаружил себя глубоким и сильным прозаиком. Прозу он пишет о войне, которую прошел от начала до конца, о деревне, в которой родился и вырос, но все эти рассказы как бы спаяны одним — сыновней любовью к России, к родной земле, к тем, кто своим трудом украшает русскую землю.

Вот рассказ «Журавли скликаются». Тоскует земля без журавлей, безмолвствует, обиженная на людей, лишивших ее голоса — журавлиной переклички. Кажется, много земли в России, а поди ж ты, находятся люди, готовые и озерцо на луг подсушить, так что не только журавлям негде расположиться, но и синице негде напиться. Вот и приходит в запустение земля, лишенная своего привычного убора. Не обижай землю, на которой живешь, — таков лейтмотив многих рассказов Николая Грибачева. Крепко оберегай ее, где бы ты ни был и с какими бы трудностями ты ни встретился. Нельзя человеку жить в сторонке от того, что происходит на земле. В противном случае такого человека постигнет участь Кирилла Земенюшина — его совесть заела, и он повесился. А все началось с того, что ради спасения собственной жизни во время войны передался власовцам. Отбыл положенный за это срок. Казалось бы, снял свою вину, а встретив давнего знакомого, который видел его за пулеметом, направленным в сторону своих, снова затосковал, снова душу его бередили воспоминания. Ведь он же стрелял в небо, он не стрелял в своих, а кто поверит. И нет ему покоя на родной земле, потерял он уверенность, спокойствие, отошел от привычного крестьянского труда, стал работать на железной дороге, в районном городке, а живет по-прежнему в деревне. Вот и мотается между асфальтом и землей — и на асфальте не привился, и от земли отошел. Слово из него корень вынули, основу жизни подорвали. Жизнь перестала интересовать его. Все время оглядывайся, как бы еще кого не встретить, как бы кто не вспомнил его грехи перед своими. Хотел бежать из родных мест, но убежать от своей совести, от самого себя ему не удалось. Так и покончил свою бесславную жизнь Кирилл Земенюшин.

Человек перестает быть человеком, если в нем жажда жизни заслоняет все человеческое — гордость, мужество, презрение к смерти, если в нем бьется только одно подленькое — выжить, выжить любой ценой, даже ценой отказа от нравственных и моральных принципов своего народа.

У Грибачева такой человек сам на себя накладывает руки, у Чивилихина такой персонаж (в одном из вариантов повести «Елки-моталки») погибает от руки Родиона Гуляева, героя положительного. Такая ситуация поучительна. Встретились два разных человека, столкнулись две разные морали. Родион убивает в аффекте, безрассудно, нарушая, естественно, человеческие законы. Какой будет приговор — неизвестно, пусть рассудят сами люди. Одни жалеют Гуляева, представшего перед судом, другие — Авксентьевского, ничтожного человека, сожравшего птенцов копалухи из страха голодной смерти. Земля, живой мир имеют свои законы. Авксентьевскому чужды эти законы. Он пожирает птенцов, лишь бы выжить. Ничтожен этот человек, он не нужен земле.

Обычный случай на наших дорогах — застряла машина в непролазной грязи. Разожгли костер, уселись вокруг, каждый со своими думами. И прошло-то несколько часов, а узнали друг о друге больше, чем в обычные, «нормальные» дни, узнали, кто чем живет. Есть такие положения, когда раскрывается душа человеческая, все скрытое, тайное

становится явным, выходит наружу. Много затаенного высказывают люди у костра. Горечь, обида, тревожная заботливость о будущем слышатся в их словах: что ж останется в лесу, если человек выбьет вальдшнепа? Останутся мыши, расплодятся в невероятном количестве, сожрут хлеба, плоды земли...

Рассказ «Кто умрет на рассвете» (тоже Н. Грибачев) на первый взгляд традиционный — о позорной смерти струсившего человека, бросившего своих товарищей в самую опасную минуту и погибшего от руки одного из них. Но только на первый взгляд. Это только внешняя канва рассказа. А суть в том, что гибнет тот, кто не прикреплен к земле, кто думает только о себе. Внешне он ярок, даже красив, остер на язык. Наивному деревенскому парню Поздняку он кажется умным, начитанным, бывалым. Но все это внешнее превосходство исчезает, как только над ним нависла опасность потерять жизнь. С этого момента он думает только о спасении своей «шкурки» любой ценой, даже ценой предательства. А Поздняк совсем другой. Он первый раз в бою. В нем много наивного, но он завоевывает симпатию сыновней любовью к земле: отрывая себе окопчик, он с любовной задушевностью думает о земле — «ей попить бы». Здесь раскрывается его характер. Он не случайно сюда пришел — он пришел защищать мать-Родину. Два человека — два характера, два отношения к земле: один, оторвавшись от земли, погиб как трус и предатель; другой, окопавшись в земле, стойко встретив врага, выжил, поберегла его земля, укрыла от вражеских пуль и снарядных осколков.

Большой интерес для характеристики современной прозы представляют книги Василия Белова. Прочитаешь, например, рассказ «Бобришный угор» и еще раз подивись его искусству вызывать у читателя такое же душевное настроение, какое охватывает и его самого. Все прекрасно в этом рассказе: и непоседливые лесные птицы, и набухающие темнотой елки, и еще не опустившаяся наземь роса. И весь этот отрадный, дремотный лес, добрый, широкий, понятный и неназойливый, врачевавший своим покоем смятенные души двух забравшихся в него горожан и вселявший в эти души уверенность и радость сближения со своей, на время покинутой малой родиной, — весь этот лес, и вся эта счастливая тишина, и сам Бобришный угор, и невидимая и неслышимая река, и даже крик затаившегося коростеля, и даже муравьи, хлопотливо снующие по угору взад и вперед, и даже... Словом, все это так близко и дорого становится, что хочется самому побывать в этом белом домике и пожить хоть какое-то, хоть маленькое, время в этой счастливой тишине, дающей возможность побыть наедине с самим собой и проверить подлинность своих мыслей и чувств.

У кого нет малой, у того нет и большой Родины. Поэтому-то так тянет всех, кто родился в деревне, в родные места.

А сколько радостей у тех, кто может бывать в своих родных местах! В «Бобришном угоре» как раз и идет об этом речь — об огромной радости, пережитой от встречи с родными местами. Здесь В. Белов предстает перед нами не только как живописец и психолог, но и как фило-

соф, способный поставить серьезные вопросы современности и ответить на них.

Простота, глубокий взгляд на современность, лиричность и какая-то непостижимая человечность — все это, несомненно, ставит «Бобишный угор» в ряд лучших современных рассказов.

В. Белов умеет схватить самое важное, что происходит и происходило в деревне. Деревня Бердяйка живет своей исконной жизнью. Автор берет людей в их обычной жизни — они с упоением отдаются работе, любят, страдают, радуются, несут большие и малые тревоги в своей душе.

Внешняя конфликтная ситуация в повести «Деревня Бердяйка» не представляет особого интереса. Задолго до Белова возникали на страницах повестей и рассказов В. Овечкина, Ф. Абрамова, Г. Троепольского и других похожие ситуации. Такое бывало. И ничего в этой ситуации нового нет. А повесть производит впечатление открытия. Оказывается, не так уж важны сами эти сиюминутные проблемы в повести, о которых так часто писали журналисты, публицисты. Жизнь меняется, меняются и проблемы. И то, что важно было вчера, сегодня уже рассматривается как прошлогодний снег: растаял, ну и ладно. А вот раскрыть душу современного крестьянина не всякому удастся: для этого нужно жить среди своих героев, знать каждое дело, которое они делают, знать их отношение к людям, к лесу, к земле и небу.

Все болит у деда Николая. Кажется, приходит его последний час. Очень точно В. Белов передает душевные движения заболевшего старика человека. Много пожил он на белом свете, «походил на веку за плугом, помахал топором вдоволь, а сколько травы перекошил, так это никому и не ведомо». «Старик дремал с открытыми глазами, по телу его растекалась приторная слабость. Вдруг он чуть вздрогнул: то ли от мысли, что сейчас умрет, то ли от какой-то неловкости. В душе его была пустота, дед словно повис в воздухе, и ему стало жутко. Только через несколько минут старик понял, что это остановились часы-ходики и что ему стало неловко и жутко оттого, что прервалось ритмичное тиканье». И не смерти испугался дед Николай, а своей стариковской слабости, своей немощи, бессилия. Неужели никогда ему не быть на лугу, не увидеть солнечные лесные покосы с крутобокими стогами и накрапинами копен? Неужели он наяву уже никогда не услышит крики баб на лугу, звон наставляемых кос, тонкий комариный писк? И вот в душе русского человека начинается сражение с немощью. Преодолевая мучительную боль, слабость, головокружение, он с трудом оделся, добрался до часов, подтянул гирю, пустил часы. В дом снова вошло время. А за окном бурлила жизнь, зовущая и прекрасная. Он вышел на крыльцо. И сразу почувствовал себя нужным людям. Со стариковской ворчливостью отчитал Венюку за то, что тот не умеет лошадь запрягать. «Гляди, лошадь овод заел, а ей и оборониться нечем, потому хвост под шлеей». Отчитывает старик парнишку, передает ему житейский опыт, сноровку. Силы прибывали в старике. Может, и он понадобится на лугу, в сенокосную страдную пору. От этой мысли у деда «что-то слад-

ко екнуло в нутре». А когда он очутился в такой милой его сердцу и привычной обстановке трудового дня, его охватило предвкушение большой человеческой радости. Он развел теплинку, взял первую попавшуюся косу, начал отбивать, в сердцах поругивая неумельца за то, что из косы сделал нечто вроде пилы. «Звуки были ровные, ритмичные: слышно было, что тот, кто взялся за молоток, знает дело». Только в одном эпизоде участвует дед Николай, а его душевный настрой в основных чертах удалось передать молодому художнику. Самая характерная черта этой повести в том, что человек здесь предстает хозяином земли. Сколько самоотверженности, страсти вложили девушки, чтобы спасти подсохшее сено от дождя!.. Если не состоговать до дождя, сено может пропасть. И возникает упоение трудом.

«Никто не успел ни поест, ни попить чаю и передохнуть, на ходу, прихватывая грабли, все бросились на луг. Следом за бабами потащился и дед Николай, в руках его были чьи-то грабли со сломанными наполовину зубьями... Все разговоры словно ветром сдуло. Живее замелькали граблевища, копны выросли одна за другой, как из-под земли».

И такими трудовыми буднями, где показаны самозабвенность, полная отдача крестьянина земле, наполнена жизнь деревенского жителя.

В. Белов в повести «Деревня Бердяйка» попытался показать жизнь в сложных противоречиях, со всеми несуразностями, случайностями, дикой и бессмысленной неразберихой в человеческих отношениях. Кое-что не удалось художественно мотивировать, некоторые поступки покажутся искусственными то ли оттого, что по молодости не смог выразить, то ли от стеснительности перед подлинной правдой. Но уже в этой повести сказалось стремление художника к уловлению правды жизни в ее многогранности и противоречиях.

В «Плотницких рассказах» Василия Белова та же гуманистическая философская идея, то же бережное отношение к человеку, которое окрашивало его прежние вещи и которое издавна составляет характерную черту всех подлинных художников.

Здесь В. Белов продолжает исследовать психологию своих земляков. По замыслу и по характерам она, естественно, отличается от «Привычного дела», но автора тревожит все тот же вопрос: чем живет современный крестьянин, какие проблемы волнуют его.

Если в «Привычном деле» В. Белов описывает жизнь деревни в тот момент, когда недостаточная оплата труда, всевозможные запреты, сковывающие самостоятельность и личную инициативу крестьянина, нарушение устава сельхозартели и прежде всего принципа материальной заинтересованности мешали людям жить на родной земле, создавали такие условия, когда оставалось только одно — уходить в город на заработки, то в «Плотницких рассказах» действие происходит в наши дни, когда последние решения партии и правительства, претворенные в жизнь, создали хорошие условия жизни в деревне. И вот уже другие проблемы волнуют крестьян. Авиноер Козонков и Олеся Смолин, доживая свой век, оглядываются назад и подводят, так сказать, итоги. Как прожило? Что сделано? Какой след оставили на земле?

Авинер Козонков и Олеша Смолин — два резко противоположных характера. С детства наметилось их различие. Один из последних сил работает в поле, проходит под руководством отца крестьянские «университеты», другой пользуется своей смекалкой для того, чтобы отлынивать от работы. Сколько раз кривые дороги жизни приводили их к одной беде, но каждый раз Авинер выходил из воды сухим, а Олеша получал лиха за двоих.

Лирический герой В. Белова все время выпытывает у этих разных людей эпизоды из их жизни, стремится как можно больше узнать, сравнивает, размышляет. Своим умом хочет постичь прошлое родной деревни. Не по книжкам узнает историю, а черпает ее из живого источника — из памяти двух земляков. Словом, он находится примерно в том же положении, которое довольно точно определил Горький в письме «милому юноше» М.Х. Максимову: «Все, о чем Вы пишете, было когда-то пережито мною и памятно мне, сиживал и я, раздавленный, в уголку, когда вокруг меня говорились громкие речи, спрашивал и я себя — кто я и зачем? Но сквозь все это необходимо пройти, а вопросы — кто я, зачем я — разрешить можете лишь Вы сами» (*Горький А.М.* Т. 29. С.147).

По рассказам героев Белова — Козонкова и Смолина конструируется не такое уж далекое прошлое — время наших отцов: голодное детство в большой крестьянской семье, трудовое возмужание, дни коллективизации, военное лихолетье. То, что мог бы рассказать ему отец, погибший на войне, рассказывают два земляка, рассказывают, естественно, каждый по-своему, со своей точки зрения.

Лирический герой В. Белова — сердечный, умный, честный, чистый человек. Он готов весь мир сделать добрым и счастливым. На его глазах поссорились два соседа. И он задался целью помирить их. Плохо живется таким, когда рядом ненависть и злоба. Хорошо бы вытравить злобу, зависть, ненависть в сердцах. Но как?

«Я твердо решил сходить к Авинеру, чтобы позвать плотничать, а заодно и примирить его с Олешей, погасить стариковскую свару... жажда добра долго копилась во мне...» Жажда добра ведет его в дом Козонкова, на колхозное собрание, в дом тетки Евдокии, попросившей починить электричество. Все та же неутолимая жажда добра свела в его доме двух поссорившихся соседей.

Прав был Горький, когда говорил, что мы только мечтаем о добре, а делать-то его не всегда умеем, этому тоже нужно учиться. Вслушиваясь в добродушные голоса двух старых плотников, наш герой решил «поставить точки над «и», посоветовал им «в открытую разобраться», «кто прав, кто виноват». Вот тут-то и открылись перед ним различные убеждения, взгляды на мир, на человека, на прошлое: «Не успел я ввязаться, как Авинер обеими руками схватил Олешу за ворот и, зажимая в угол, начал стучать о стену лысой Олесиной головой... Я начал их растаскивать, еле погасив собственное бешенство». А бешенство сменяется равнодушием, зеленой тоской, полным безразличием и отчаянием: «Меня охватывала брезгливость, физическое отвращение ко все-

му на свете, в том числе и к самому себе. Все рушилось, все распадалось». Вспоминая вчерашнюю драку, герой испытывает то злобное отчаяние, то ненависть к обоим ее участникам, никак не может разобратся в нахлынувших чувствах.

В конце концов он винит только самого себя: «Это я захотел определенности в их отношениях, я вызвал из прошлого притихших духов. А потом сам же испугался и вздумал мирить стариков. Потому что ты эгоист и тебе больше всего нужна гармония, определенность, счастливый миропорядок. Примирил, называется». Но каково же было удивление молодого инженера, когда он увидел Авинера и Олешу за одним столом, распивающих традиционную бутылку! Ни обиды, ни злобы, словно и не было никакой драки. Сколько Авинер принес лиха Олеше, сколько обижал, сколько несправедливого терпели от него односельчане, а вот, поди ж ты, за одним столом пьют, шутят друг над другом как ни в чем не бывало.

На первых порах мы вместе с рассказчиком любимся плотницкой сноровкой, стариковской обстоятельностью, мужицким юмором Олеси Смолина. Мы все время на его стороне в историческом конфликте этих двух людей. Но постепенно выявляется позиция лирического героя — ни тот ни другой не удовлетворяют его. Уж слишком пассивен, кроток, незлобив Олеша Смолин. Вот почему и берут верх такие горлопаны, как Авинер. Снисходительно улыбается Олеша на выходку молодого шофера-зубоскала.

Константин Зорин поражен этим каким-то еще чудом уцелевшим «непротивленством». Как легко гнутся такие даже под легким дуновением ветерка, но, естественно, и не ломаются, выживают, какие бури бы ни проходили над ними. Зорин весь кипит от гнева, он «был взбешен таким юмором», а старику хоть бы что, даже похвалил своего оскорбителя. «Вскоре я разобрался в том, что злился на Олешу, злился на то, что тот ни капли не разозлился на остолопа шофера. А когда я понял это, то разозлился еще больше, уже неизвестно на кого, и было как-то неловко, противно на душе». Душой прикипел герой-рассказчик к Олеше Смолину за эти несколько дней, настолько старик симпатичен ему всеми своими нравственными качествами и свойствами, а вот каратаевская незлобивость характера Олеси вызывает решительный протест, возмущение, какое-то чувство неловкости, «противной сердечной тошноты от самого себя, от всего окружающего».

Василий Белов вместе со своим лирическим героем ратует за человека гордого, сильного, мужественного в преодолении жизненных препятствий, за человека, способного постоять за себя.

Эта же проблема поставлена им и в повести «Привычное дело», только в критике она осталась незамеченной.

Вокруг повести — разные толки. Одни видят в Иване Африкановиче сермяжного, робкого, потерянного мужичка, упрекают художника за то, что упустил много возможностей показать своего героя более внутренне богатым, твердым, более сильным и мужественным. Другие говорят, что герой Белова «не идеальный», «а ведь в чем-то

хорош, право, хорош! Списан с действительности. Вот в чем дело!». Третьи...

В этих отзывах есть и непонимание творческого замысла художника, и непонимание самого характера главного героя. Под пером критиков Иван Африканович предстает совсем другим человеком, иным, чем он представлен в повести. Критикам не понравилось то, что Иван Африканович вне привычной обстановки теряется, утрачивает самого себя, свою сноровистость, уверенность, деловитость, перед нами предстает как бы совсем другой человек. Хотелось бы, чтобы Иван Дрынов не так уж терялся в другой обстановке. Сказать это — значит не понять сущности характера Ивана Африкановича.

В характере Ивана Африкановича заметили много хороших черт: мужество, доброту, великодушие, сердечность и др. Он принадлежит к тем русским людям, которые не бросаются в глаза своей талантливостью, неумемностью, щедростью натуры. В этом смысле его шурин Митька гораздо интереснее. Митька давно бросил деревню, он только наезжает сюда проведать мать, сестру, родных. Вот и на этот раз он приехал гульнуть. Решительный, смелый, порывистый, привыкший к городским порядкам, он не может себе представить, как Иван Африканович и другие мужчины могут жить в деревне.

Митька диву дается, когда видит, как боится Иван Африканович уполномоченного, председателя, как неловко, стыдно тому перед своим сыном, не понимающим, почему нужно косить траву ночью, а рано утром, не отдохнув, уже снова бежать на колхозную работу. Митька решительно протестует против таких порядков. В городе все по-другому. Он уговаривает Ивана Африкановича поехать на заработки. Здесь, в деревне, не вырваться ему из нужды. А уж Дрынов ли не работник! Еще заря не занялась, а он на ногах. С детства он был раноставом, усвоил простую истину, внушенную ему дедам: встанешь раньше — шагнешь дальше. Кропотлив и незаметен крестьянский труд. Каждая мелочь в доме требует мужских умелых рук. Затемно напиллил дров, а когда обозначилась заря, взял топор, сумку рыбную и пошел к озеру.

Повесть строится так, что каждый из ее героев на какое-то время оказывается на переднем плане, словно под увеличительным стеклом, благодаря которому художник глубже проникает в душу своего героя и видит там тончайшие переживания, затаенные мысли и чувства.

Тщательно, со многими подробностями и деталями выписывает В. Белов утро Ивана Африкановича, его полнейшую слитность с природой, со всем его окружающим миром. Героя радует этот мир, вселяет уверенность, твердость. Всем любитесь Иван Африканович. И тетеревами, несмело готовящимися к своей гульбе, и восходом солнца, и спасенным им от мороза воробьем, и невдалеке мышковавшей лисицей, и бескрайним небом, и неподвижным леском, просвеченным солнцем. Всюду и везде, куда ни глянешь, такая родная и понятная земля: «Жись. Везде жись. Под перьями жись, под фуфайкой жись. Женки вон печи затопили, подолами трясут у шестков — жись. И все добро, все ладно. Ладно, что родился, ладно, что детей народил. Жись она и

есть жись». В вершах не было рыбы, но это нисколько не опечалило рыбака: «Небушко-то, небушко-то! Как провеянное, чистое, нет на нем ничего лишнего, один голубой сквозной простор». «Иван Африканович долго ходил по студеным от наста родимым полям. Ноги сами несли его, и он перестал ощущать себя, слился со сном и солнцем, с голубым, безнадежно далеким небом, со всеми запахами и звуками предвечной весны. Все было студено, солнечно, широко. Деревни вдали тихо дымились трубами, пели петухи, урчали тетерева, мерцали белые, скованные морозцем снега. Иван Африканович шел и шел по певучему насту, и время остановилось для него. Он ничего не думал, точь-в-точь как тот, кто лежал в люльке и улыбался, для которого еще не существовало разницы между сном и не сном. И для обоих сейчас не было ни конца, ни начала».

Все здесь: и ребячья непосредственность, и любование природой, как чем-то живым, близким, дорогим, и умение увидеть в природе только красивое, благородное, и детская наивность, с которой он весь отдается нахлынувшим чувствам, и цельность его натуры — все эти черты составляют характер Ивана Африкановича.

«Сам Иван Африканович, сам иной раз как дитя малое, чего говорит» — так думает о своем муже Катерина. Даже вернувшись с фронта, Иван Африканович не огрубел. Когда теща попросила его отрубить петуху голову, он «заоглядывался, растерялся». Ему ничего не оставалось делать, как взять топор и пойти на поветь. Внешне он бодрился, нельзя уронить себя в глазах тещи, а внутренне весь исходит жалостью к этому шустрому петуху, растерянно смотрит то на петуха, то на топор с еловой чуркой. Всю войну прошел, штурмовал Берлин, на каком фронте только не был, ордена и медали украшают его грудь, а рубануть петуха побоялся. Пришлось дрожащие руки Ивана Африкановича измазать мертвой петушиной кровью, которого «ловко нарушила» сама Катерина, чтобы в глазах тещи зять остался достойным уважения. Вот так и во всем остается Иван Африканович словно сотканным из разных лоскутков — то он может разогнать с колом всю деревню, то на смерть испугаться какого-то районного уполномоченного, то признается в горячий, безумной любви Катерине, то окажется в загородке у бойкой бабенки Дашки-путанки, то блеснет умом, сноровкой, сметкой, деловитостью, то представится примитивным, туповатым, неспособным к самозащите... Одно дело, когда он на своей земле, тут он деловит, работает на совесть, за все плохо сработанное у него болит душа. И то, что пахать выехали поздно, и то, что раскиданный бабами навоз весь пересох, и то, что вспаханные места ненамного отличались от не вспаханных, и то, что Мишка равнодушен ко всему этому и плохо обрабатывает землю, да еще и рожу шутовскую корчит, когда Иван Африканович велит ему остановиться и не делать «огрехов», — все это приводит в неистовство Ивана Африкановича, и он «вне себя», «в горячке» чуть было не отлупил Мишку.

А стоит ему оказаться за пределами родной деревни, в районной милиции, куда он привез передачу Митьке, на станции, в поезде, как он сра-

зу теряется, становится беспомощным, робким. В нем жива извечная деревенская стеснительность.

В образе Ивана Африкановича отображен милый, чуть-чуть наивный, может, чуть-чуть смешной, но такой обаятельный в своей простоте и безыскусственности человеческий характер. Он весь отдан людям, природе, жизни. Он знает свои слабости, знает, что ему нельзя пить, это к добру обычно не приводит. Много ведь раз бывало, когда, перепив, он причинял и себе и окружающим боль, слезы, страдания. И не может удержаться, порой напивается. Натура у него широкая, добрая, безотказная.

В Иване Африкановиче много мягкости, неповторимой душевной доброты, сердечности, которой так славен русский народ. Вспомним хотя бы, с какой теплотой прощался Иван Африканович с соседями, с друзьями-односельчанами, когда он надумал все-таки уехать из деревни на заработки. Все его любят. В их словах нет придуманности, фальши, неестественности. Никто его не уговаривает, не дает лишних советов. Скупое, просто, но сколько неподдельного чувства! Он относится к тем людям, о которых Сократ говорил, что им легче перенести обиду, чем нанести ее. О таких обычно говорят, что они и мухи не обидят. В нем много кротости, всепрощения, может быть, даже непротивления злу насилием. Но это не философия, не отношение к жизни, а такой уж у него характер. В нем есть созерцательность, пассивность. Он бывает твердым, решительным, обзленным, он может даже замахнуться на Катерину, когда она ему перечит, но это состояние, а не характер. А по характеру он уступчив, мягок, щедр на добрые дела. Твердость прежде всего нужно проявлять при сопротивлении, когда нужно что-то ломать. Тут он чаще пасует, пасует перед обстоятельствами, перед людьми. В его характере много нежности. И только порой в нем обнаруживаются такие черты, о которых невозможно было подозревать при внешнем знакомстве. Вместе с мягкостью в нем уживаются твердость, смелость, решительность.

«Отчаянная решимость преобразила Ивана Африкановича». И эта отчаянная решимость в нем просыпается каждый раз, когда наступает крайнее положение. В таком состоянии он способен «так страшно, так небывало» взглянуть, что даже бесшабашный Митька беспрекословно ему повинует. Когда председатель готов отказать ему в разрешении на выезд, Ивана Африкановича не узнать. От робости, покорности судьбе, безропотности ничего не осталось: «У него вдруг застыли, онемели глаза, и какая-то радостная удаль скакала готовые к безумной работе мускулы. Враз исчез и страх и все мысли исчезли, кроме одной: «Вот сейчас, сейчас!» Что это такое «сейчас», он не знал, но появилось ощущение спокойного веселого безрассудства, и он, дивясь самому себе, ступил на середину конторы и закричал: «Справку давай!» Ему не продажное нужно, а свое, кровное, завоеванное, непокупное. Справки добился, а радости избавления от тягот деревенской жизни у него нет: все здесь дорого, привычно, прекрасно. Ему очень не хочется уезжать, он тоскует, мучается, покидая своих детей, свою Катерину. В нем жива острая спо-

способность сопереживания чужого горя, чужих слез, страданий. При виде Катерины, похудевшей, изменившейся, «вдруг весь сжался от боли, жалости и любви к ней». И, прощаясь, он все еще колеблется: может, лучше остаться, может, никуда не ехать, пойти обратно и жить, как раньше жили. И все-таки снова решился, поехал. Права оказалась старая Евстоля: быстро наездился Иван Африканович. Не для него оказались городские порядки. Но в дом его вошла беда, непереносимое горе — Катерина умерла.

Мир опустел для него. Катерина как бы всегда дополняла Ивана. Она активна, энергична. Она за все берется: и косить, и за телятами ходить, и коров доить, и ребятишек родить, все ей по плечу, на все, кажется, ее хватает. Катерина грубовата. Иван мягок, нежен. Катерина волевая, Иван уступчив, слабохарактерен. В них так много разного, что вместе они создают полную гармонию богатого человеческого характера. Иван Африканович застенчив, стыдлив, конфузлив. Он постыдился подложить себе под голову лежащий рядом больничный тулуп, когда, дожидаясь родов Катерины, сморенный двухдневной усталостью, заснул в закутке на голых поленьях. А оставшись без билета и без денег — Митька опоздал на поезд, — он постеснялся заглянуть к нему в чемодан. Так и сидел несколько часов голодный, под присмотром дорожной милиции, пока не появился Митька и все не выяснилось.

Нет в этой повести ни завлекательного сюжета, ни острой смены событий, ни героических подвигов, нет ничего эффектного, блестящего, а оторваться от нее невозможно: обаятельная притягательность повести — в правде, простой, будничной, нешумливой. Сколько надо самому пережить, чтобы с такой достоверностью передать переживания своих героев, все их горести, радости, заботы, беды.

Глубоко и поэтично, с тонким пониманием малейших побуждений душевной жизни воссозданы образы Ивана Африкановича и Катерины — главных героев повести. Родниковой свежестью веет от их жизни, трудной, суматошной. С улыбкой и каким-то непостижимым стоицизмом переносят Катерина и Иван Африканович все трудности и беды, выпавшие на их долю. Здесь автор описал будничную жизнь одной семьи: девять человек детей, всех их надо накормить, обути, одеть. Родителям приходится тяжело. Но они не теряют бодрости духа. Любовь им помогает переносить все эти трудности, любовь, царящая в семье: Иван Африканович любит Катерину, Катерина любит Ивана Африкановича, дети любят родителей, очень дружны между собой. И вот эта любовь, пронизывающая всю повесть, придает ей оптимистическую тональность, хотя действие разворачивается остро драматически. Все дышит талантом в этой небольшой повести — и шутейное начало о забавных приключениях Ивана Африкановича и Мишухи, их неудачное сватовство, тревожные размышления Ивана Дрынова о Катерине, рожающей девятого ребенка, описание крестьянского утра, полного труда и тревог, пробуждение детей, их нехитрые забавы, хлопоты бабки Евстоли, озабоченной тем, чтобы всех девятерых накормить,

деревенские пересуды в магазине. Словом, в повести много прекрасных сцен, эпизодов: герои работают, поют песни, растят детей, обсуждают последние новости международной жизни. Внешне ничем не выделяются Иван Африканович и его жена Катерина.

В своих повестях В. Белов подметил такие черты характера, о которых Горький писал следующее: «Платон Каратаев и Калиныч несомненно русские мужики, но это мужики центральной, московской Руси, а такие типы «смирных людей» очень редки на Волге, едва ли возможны в Сибири, их нет на Украине. И.А. Бунин очень верно, очень умело пишет орловского мужика, но для Верхнего и Среднего Поволжья этот тип почти неправда — психику волжанина наилучше уловил Короленко в лице Полина. «Мужики» Чехова — правдивый, этнографический очерк, да, около Москвы — в Калуге, Туле, Орле — этикие фигуры не редкость, и очень естественны, но разве похожи на них вологжане, новгородцы, поморы? У нас на Руси не было и нет еще того единства социальных, политических и, словом говоря, культурных условий, которые позволили бы нам создать едиனுшие, выработать твердый, определенный тип русского человека, русского мужика».

Сложные отношения у В. Белова со своими героями. Несомненно, он любит их, но «странною любовью», осуждая в них терпеливость, покорность судьбе, каратаевскую незлобивость. И вот это отношение к своим героям порождает надежду в читательском сердце, что в следующих своих произведениях он нарисует уже «волжские» типы русских людей — борцов за справедливость, правду, за торжество добра, счастья...

По-разному решают художники сегодняшние проблемы. Одни писатели любят спокойные, обыкновенные положения, избегают острых драматических ситуаций, столкновения страстей, характеров. Других, как Василия Шукшина, привлекают необычные ситуации, когда сама необычность положения создает наиболее полные возможности для раскрытия человеческого характера. Все его герои чего-то ищут, мечтают, томятся, одни от тоски, не находя смысла жизни, другие от будничности окружающего.

Старый председатель колхоза, за свою жизнь много переживший, много повидавший, вдруг затосковал. Долгими ночами бьется над вопросом — а что такое любовь, любил ли он сам? Угрюмый и молчаливый Иван с горя начал писать «раскас» о том, как и почему от него ушла жена. И он не думал, что его молчаливость и угрюмость могут стать причиной его собственной трагедии. Добрый, милый, немного смешной чужак всегда стремился сделать как лучше, а получалось наоборот, попадал в смешное положение. Или «Случай в ресторане». Действуют здесь два героя: Семен и пенсионер. Семен живет в полную меру отпущенных ему сил. Во всем сказывается широкая и непосредственная натура, склонная больше к действию, чем к размышлению. А пенсионер прожил жизнь с оглядкою, жизнь его подталкивала к определенности, к действию, а он скрывается от нее в скорлупу спокойствия и тишины. В Семене он уви-

дел хозяина жизни, человека, способного действовать смело и самостоятельно.

Василия Шукшина привлекают странные случаи, люди с чужинкой, люди беспокойные, ищущие, совестливые, озадаченные жизнью. «Вечные» проблемы все чаще и чаще волнуют его.

Жизнь в ее различных проявлениях — любовь и смерть, добро и зло — вот что занимает многих художников. Правда, есть здесь только наброски характеров, они даны без достаточной глубины и разнообразия всех сторон, но в этих зарисовках он ставит важные вопросы, которые давно уже не ставились в нашей литературе.

Россия... Советская Россия. Она и сейчас полна непознанных художниками глубин и нерастрченных возможностей. И какой нужно обладать прозорливостью, чтобы осветить тайны, скрытые в сердце современного русского человека! Художественное исследование начато успешно. Но только начато. Ведется анализ, появляются интересные характеры. Но исследование не завершилось синтетическими образами, в которых бы нашло отражение Время во всех его сложностях, драматизме и противоречиях. Во всех произведениях, о которых здесь шел разговор, есть художественная правда, но правда, чересчур связанная с конкретным местом действия и точно обозначенным временем. Трудно, казалось бы, поверить Василию Белову и Федору Абрамову, если не принимать во внимание специфические условия Вологодской земли. Художники — исследователи народного духа пока идут от конкретных фактов. Синтез во всей его целостности, надеемся, впереди.

Писателям полезно напомнить слова А.М. Горького: «Как из одной штуки даже очень хорошего кирпича нельзя построить целого дома, так описанию одного факта нельзя придать характер типичного и художественно правдивого явления, убедительного для читателя... Художественная правда создается писателем так же, как пчелою создается мед: от всех цветов понемногу берет пчела, но берет самое нужное».

Только на этой высокой стадии художественного освоения действительности писатель правильно поймет свою основную задачу: «Отражайте верно временное, вечное явится само собой» (*С. Венгеров*). В истории литературы не раз бывало так, что писателей упрекали за пристрастие к сегодняшнему, «временному» и призывали к постановке «вечных», общечеловеческих проблем в своем творчестве. И не раз писатели различных стран и поколений задавались вопросом: а не лучше ли, действительно, отображать такие свойства, качества, стороны человеческой души, которые присущи всем людям на земле, не лучше ли показывать то «общечеловеческое», то вечное, что никогда не умрет, пока живы люди на земле? И писатели, если слушались таких советов, кроме сухих, абстрактных, безжизненных созданий своего ума, ничего не производили.

Тот же Овсянико-Куликовский считал: чтобы художественный образ был «общечеловечески-типичен», писатель должен соблюдать следующее важное условие: «Такой образ не должен быть уж очень типич-

чен и ярк в смысле национальном, сословном, бытовом, — эта сторона в нем должна быть поставлена и оттенена так, чтобы не мешать общечеловеческому содержанию и интересу его выступать властно и мощно в восприятии читающих поколений» (*Овсянко-Куликовский Д.Н.* Толстой как художник. СПб., 1899. С. 31). Разбирая образы Оленина и Левина, Овсянко-Куликовский писал, что они не удовлетворяют требованиям «высшей эстетической критики», потому что в них «слишком... Русью пахнет...» «...и этот запах мешает нам сосредоточиться на их общечеловеческой основе...» (Там же. С. 32).

Во Франции тоже находились теоретики, которые, пытаясь найти средства сделать искусство долговечным, предлагали неверные средства для этого. М. Гюйо в своей книге отрицает средства, которые предлагали некоторые из них. Он писал: «Для того чтобы найти предмет более долговечный для искусства, Низор и Сен-Марк Жирарден предложили следующее средство: отыскивать во всем только всеобщее: в литературе, — говорят они, — истинны только самые общие чувства. К несчастью, чувства нельзя отделить от чувствующего индивидуума.

Чувство именно тем отличается от чистой идеи, которая не составляет предмета искусства, что в нем всегда есть большая доля индивидуальности.

Конкретное, без чего искусство вообще не может существовать, есть также частное» (*Гюйо М.* Искусство с социологической точки зрения. М., 1901. С. 104).

Человек отнюдь не гражданин мира, лишенный национальных особенностей. Человек имеет глубокие корни в стране, в которой он родился: сущность его характера — в социальной среде и в национальности, к которой он принадлежит.

На это уже давно обратил внимание Гегель. «В немецких песнях миннезингеров, — писал он, — любовь является сентиментальной, нежной: она бедна воображением, игрива, меланхолична, однообразна. У испанцев любовь отличается богатством фантазии, красноречия; она рыцарственна; порой, как дело личной чести, в поисках защиты своих прав и обязанностей хитроумна и также мечтательна, достигая своего высшего блеска!» (*Гегель Г.В.* Лекции по эстетике. Кн. 2-я. Соч. Т. 13. М., 1940. С. 129).

Бальзак в письме к Ганской, указывая на недостатки одной из книг, писал, что «нет в этой книге того дразнящего веселья, той свободы и безрассудства, что отмечают страсть во Франции» (Бальзак об искусстве. М., 1940. С. 425).

Нет сомнения, что эти различия, подмеченные Гегелем и Бальзаком, остаются и до сих пор. И задача каждого художника заключается в том, чтобы выявлять национальное своеобразие своего народа. Этим самым он не отделяет свой народ от человечества, а как раз наоборот, воссоединяет его, ибо без глубокого патриотизма нельзя воспитать интернационализм, только национальная гордость в высоком, ленинском значении этого слова может служить питательной почвой для воспи-

тания подлинного чувства интернационализма. Иначе может возникнуть безродный космополитизм.

Художник только в том случае может проявить свой талант в полную силу, если он всеми корнями своими уходит в национальную почву. Никогда еще художник «перекаати-поле» не добивался прочного успеха.

Достоевский увидел в Пушкине прежде всего национального гения, который нашел «свои идеалы в родной земле, воспринял и возлюбил их всецело своею любящею и прозорливою душой». Достоевский высоко оценил Пушкина прежде всего за то, что он «провел пред нами... целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском». «Главная красота этих типов в их правде, правде бесспорной и осязательной, так что отрицать их уже нельзя, они стоят, как изваяние...

О типе русского инок-летописца, например, можно было бы написать целую книгу, чтобы указать всю важность и все значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле, им выведенного, им изваянного и поставленного перед нами теперь уже навеки в бесспорной, смиренной и величавой духовной красоте своей, как свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды... Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а колы вера, стало быть, и надежда, великая надежда на русского человека».

Великие национальные художники потому и стали великими, что они умели создавать характеры «величавой духовной красоты». Таким был Пушкин. Таким был Тургенев. Таким был Достоевский. Таким был Лев Толстой. Таким был Горький. Таков Шолохов. Молодым писателям нашей земли есть у кого учиться любить свой народ, свою землю. Нужно только, как говорил Достоевский, «взаправду» сродниться с народом, без высокомерия и без желания «поднять народ до себя и осчастливить его этим поднятием».

Любовь к своей отчизне, высокий патриотизм — основная, всеопределяющая черта русского писателя с давних пор. И когда думаешь о том, почему сейчас мало таких героических, трагических характеров, несущих в себе огромный запас высокого благородства, то с горечью приходишь к выводу, что молодым русским советским художникам многому еще нужно учиться. И прежде всего — воспитывать в себе патриотизм, любовь к советской Родине, ее истории, отечеству своему.

Художники, философы прошлого века, стоявшие у начала того величайшего процесса, приведшего к поразительным результатам в XIX веке, смело предугадывали великое будущее России.

Сто с лишним лет назад Чаадаев писал: «У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество... Мы... предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам,

которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества». Чаадаев предугадывал великие свершения нашего народа в политике, экономике, культуре. Придет время, и новая Россия в единении с другими народами возьмет на себя «разрешение всех вопросов, возбуждающих споры в Европе». Достоевский прямо высказывал мысль о том, что «русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу (Петровскую. — В. П.), а несомненно уже ощутив своим предчувствием... несравненно более высшую цель... Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому!.. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите... Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено, вижу следы его в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина».

Достоевский здесь обратил внимание на одну из коренных черт русского национального характера, о которой, к сожалению, мало говорится в произведениях молодых современных писателей. А жаль. Бесспорно, после Великой Октябрьской социалистической революции эта черта, предугаданная в прошлом, была подтверждена всей историей Советской России, объединившей все народы прежней империи на путях к строительству нового мира. И Советская Россия за все пятьдесят лет своего существования по-матерински нежна и заботлива ко всем народам, вставшим на путь всечеловеческого прогресса.

Да, перед писателями нашего времени еще много непознанных глубин, не раскрытых художественных тайн. Нужно только не бояться сложных проблем, стремиться к синтетическому постижению современной действительности.

«Русская литература, — писал Э. Межелайтис, — литература мятежной души — оказала огромное революционизирующее влияние на развитие всей современной мировой литературы. Уж не говоря о том, что русская революция оказала революционизирующее воздействие на судьбы всего человечества, выполняя свой интернациональный долг» (Волга. 1969. № 3).

В Ростове-на-Дону собрались критики и поэты, участники творческой дискуссии на тему «Ответственность художника перед народом и историей в период строительства социализма и коммунизма», организованной советско-болгарским клубом творческой молодежи.

Было много выступлений, было полное взаимопонимание по многим вопросам, были, естественно, и споры и разногласия. Но все стало на свое место, приобрело цельность и глубину после встречи молодых литераторов с Михаилом Шолоховым.

Как известно, М.А. Шолохов на этой встрече особо настойчиво подчеркивал мысль об ответственности художника, писателя перед историей и народом.

М.А. Шолохов с горечью говорил о вчерашних мальчишках, которые нынче повзрослели, но так все еще и не понимают происходящего. Настолько не понимают, что хочется спросить их словами Горького: «С кем вы, мастера культуры?»

Но М.А. Шолохов отметил и свежие, отрадные голоса в современной поэзии и прозе России. В словах его чувствовалась глубокая вера в нашу литературную молодежь, вера в то, что лучшие традиции русской советской классической литературы имеют своих надежных продолжателей.

Непросто, в напряженных поисках, в идеологических битвах нарождались и утверждались эти традиции. Было поначалу, после Великого Октября, и такое, что некоторые деятели литературы и искусства, выдававшие себя за истинных революционеров, призывали отказаться от великого культурного наследия старой России, годного, по их мнению, только для того, чтобы стать музейным экспонатом. Другие, считавшие себя подлинными наследниками прошлого, подняли плач о гибели всей культуры.

Против космополитизма и национализма, как двух крайних антипартийных тенденций, Российская Коммунистическая партия (большевиков) во главе с Лениным вела неустанную бескомпромиссную борьбу.

Социалистический интернационализм — одна из самых существенных черт советского человека. Но социалистический интернационализм не может обойтись без уважения к национальным, историческим особенностям развития каждой страны.

Воспитание патриотического самосознания — главная задача каждого государства, особенно государства социалистического.

Что такое правда жизни, как она отражается в искусстве — этот основной вопрос всегда вставал перед художником. Разное понимание соотношения между правдой жизни и художественной правдой — краеугольный камень всех противоречий и столкновений между художниками разных методов. Реалист Бальзак писал, что «правда природы не может быть и никогда не будет правдой искусства. Гений художника и состоит в умении выбрать естественные обстоятельства и превратить их в элементы литературной жизни». В «Письмах о литературе, театре и искусстве» Бальзак высказывает и такую мысль: «Талант проявляется в описании причин, порождающих факты, в тайных движениях человеческого сердца, которыми историки пренебрегают. Персонажи романа должны высказывать больше разума, чем исторические персонажи. Первые притязают на жизнь, последние — жили. Существование одних не нуждается в доказательстве, как бы ни были причудливы их поступки, тогда как существование других должно опираться на всеобщее признание... Литературная правдивость состоит в выборе фактов и характеров и в таком же их изображении, чтобы каждый, увидев их, счел правдивым, ибо у каждого свое особое мерило правдивости и каждый должен распознать оттенок своего в общем колорите типа, выведенного романистом» (Бальзак об искусстве. С. 84).

«Правда жизни была и останется законом литературы социалистического реализма, той литературы, которая является частью народной жизни и служит народу» (Третий съезд писателей СССР. Стенографический отчет. М., 1959). Чтобы правильно определить сущность того или иного явления, события в неразрывной цепи исторического процесса, писатель должен знать со всех сторон этот предмет, характер, событие, не отбирая только лучшие или только худшие его стороны, — сущность такого отбора одинаково вредна: она искажает его, представляет читателю только с одной стороны. Такой принцип отбора нарушает закон правдивого, многостороннего отражения действительности.

Широко известны два романа: «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского и «От всего сердца» Е. Мальцева. Писались эти книги в то время, когда советские люди, испив горькую чашу страданий во время войны с гитлеровскими полчищами, тосковали по жизни лучезарной, благополучной, мечтали о быстрой ликвидации разрухи, о порядке на полях, на фермах. И авторы названных романов старались утолить эту мечту, подсказать пути этим человеческим устремлениям. И все-таки, хотя жизнь советского человека после войны, в разруху была далеко не лучезарной, не сладкой, она, в сущности, оказалась куда богаче, полнокровнее, чем в этих произведениях. Правда о ней в шолоховском понимании куда больше взволновала бы читателей, помогла бы им осмыслить свою эпоху, самих себя.

Вполне закономерной оказалась борьба с этой, как мы ее нынче называем, пресловутой теорией бесконфликтности. Только вот по-разному с ней боролись. Постепенно возникала другая крайность — очернительство, отбор в жизни нашего общества лишь уродливых явлений. Эта крайность еще более удручающая; персонажи, изображенные в таких произведениях, могут внушить только отвращение к жизни, неверие в правоту и справедливость, бессилие перед трудностями.

Повесть В. Каверина «Школьный спектакль» вызывала уже резкую критику. М. Синельников в статье «С неверных позиций» («Литературная газета»), Д. Гранин в отчетном докладе на собрании ленинградских писателей, два учителя в «Письме в редакцию» «Огонька» дали ей отрицательную оценку. Однако об этой повести еще не все сказано.

В центре повести — два главных героя: учитель и ученик. В открытом рассказе учителя и дневниковых записях ученика передаются одни и те же события, но, естественно, с разных позиций, под разным углом зрения. В. Каверин сознательно подчеркивает, что и учитель и ученик откровенны, у них нет повода к извращению фактов. И тот и другой пытаются разобраться в одном и том же событии своей жизни.

Андрей Данилович, заслуженный учитель, много лет преподававший литературу в средней школе, столкнулся с неожиданными для себя трудностями. Он вернулся к преподаванию после длительного перерыва, жизнь за это время ушла вперед, и он «должен был найти в себе некий душевный рычаг, чтобы на добрых шестьдесят градусов повернуть свой многолетний опыт». Андрей Данилович, приступая к ра-

боте «в сложном» классе, исходил из того, что «никакой «константы» юности, ее постоянной величины не существует... Подростки 30-х годов поразительно непохожи на подростков 60-х годов». «Новаторство» Андрея Даниловича сводилось к тому, что он «потребовал отвечать не по учебнику, поскольку они как-никак не попугаи», потребовал читать стихи наизусть, а о шпаргалках забыть. Двадцать двоек, поставленных за первое же сочинение, вызвали бурю протеста: «добрых полчаса весь класс гремел крышками парт, свистел, ревел, пел и мяукал. Сбежалась вся школа». После этого Андрей Данилович рассказывает о своих попытках «перекинуть психологический мост между собой и своими учениками», но «они этот мост преспокойно взрывали». Андрей Данилович поставил перед собой задачу — «отучить класс от равнодушия к литературе». Читает им Блока, Есенина, Ахматову. Рассказывает о книжных редкостях, о литературных мистификациях. Наконец класс литературой заинтересовался. О программе, заметим, школьный учитель не упоминает ни полслова. Получается, что все интересное — помимо программы.

Разумеется, Андрей Данилович высказывает здесь взгляды самого В. Каверина. В статье «Собеседник» (Новый мир. 1969. № 1) В. Каверин рассказывает о том, как к нему пришли «студенты и аспиранты, работающие (по своему почину) над выработкой совершенно новых современных школьных программ». «Они доказали мне, что нынешняя программа в иных случаях соответствует методике и объему знаний начала XIX века, что вместо изучения научного факта как элемента конструкции он изучается как таковой и одновременно как элемент истории науки. Понятие конструкции подменяется понятием инвентаря. Они привели мне десятки примеров должной методики в преподавании литературы, физики, математики. Неверие в умственные силы школьника лежит в самой структуре школьного урока. Здоровые интуитивные представления сначала ломаются, а потом складываются на новой, приблизительной основе».

Такова теоретическая основа повести «Школьный спектакль», таков, так сказать, творческий замысел и побудительные причины, толкнувшие В. Каверина к написанию этой вещи. Вот эта «заданность», видимо, и явилась причиной творческой неудачи писателя.

«Школьный спектакль» производит странное впечатление: как будто В. Каверин сознательно поставил перед собой задачу показать такую школу, в которой нет ничего светлого, где крайне низок нравственный уровень и учителей и учеников.

Может быть, все обошлось бы благополучно, продолжает свой рассказ Андрей Данилович, но вот беда: Володя Северцев увлекся Варей Самариной. Весь класс последовал их примеру, девочки и мальчики разбились на пары, перестали заниматься, увлеклись сплетнями, пересудами. Успеваемость катастрофически падала. Андрею Даниловичу грозили серьезные неприятности: ведь на будущий год школа отмечает столетний юбилей, а его класс будет выпускным. Нужно было что-то срочно придумать интересное, чтобы отвлечь школьников от любов-

ной игры. А что, если поставить спектакль, в котором ребята будут играть самих себя? «Как-то само собой получилось, что спектакль стал готовить весь класс. Подобно Тому Сойеру, я занялся торговлей. Он продал мальчишкам право красить забор за бумажного змея, свистульку, пару головастика и т. д. А я продавал ребятам право участвовать в спектакле за приличные (более или менее) оценки, за самообслуживание и вообще за соответствующее «выпуску века» поведение».

Только Косте Древину и Варе Самариной затея со спектаклем с самого начала показалась безнравственной. Варя отказалась участвовать в спектакле, потому что для нее отношения с Володей носили серьезный характер. Но тайное, глубокое, личное, что возникало между ними, могло стать явным. Она побоялась преждевременной гласности, которая способна разрушить и опошлить их отношения. (Так оно и случилось.) Затее Андрея Даниловича кончилась тем, что Варя перешла в другую школу, Костя Древин подрался с Володей Северцевым, а Андрей Данилович до сих пор не может понять, почему все так странно получилось.

Кто действует в «Школьном спектакле»? Директор Иван Яковлевич Белых — «человек благожелательный, но глупый»; бывшая преподавательница литературы — «бабуся», которая воспитывала в своих учениках неискренность, очковитирательство и другие отрицательные качества; Андрей Данилович, от имени которого ведется повествование, и, наконец, Костя Древин, дневник которого используется для того, чтобы дать подлинное, «правдивое» описание школьной жизни, раскрыть внутренние причины всех странных и необычных, с точки зрения учителя, поступков, которыми наполнена эта история.

Так и построена повесть: Андрей Данилович дает внешнюю сторону явления, происходящего в школе, Костя Древин раскрывает внутреннюю, психологическую, так сказать, подоплеку всех событий, всех поступков и действий.

Разумеется, Костя Древин ко многому относится иронически, он «критически мыслящая личность». Из дневника мы узнаем отношение ученика к своему учителю. Беда Андрея Даниловича в том, что он человек редкостной душевной слепоты и эмоциональной глухоты. «Школьный спектакль» — это суд ученика над учителем, суд со всеми последовательными действиями: ведением следствия, обвинением, судебным разбирательством и вынесением приговора. «Что касается Андрея Даниловича, так он просто старый осел, который не видит дальше своего носа» — в этом суть приговора, который устами Кости Древина выносит автор своему случайному знакомому. Андрей Данилович по своей глузости, душевной черствости заставил весь класс принимать участие в спектакле, в котором каждый должен был сыграть самого себя, раскрыв свой характер, свои мысли и чувства. Однако все принимавшие участие и спектакле «просто мололи», только Володя Северцев «действительно играл самого себя». Объясняясь в любви госпоже Бонасье (для постановки выбрали сюжет «Трех мушкетеров»), Володя говорил «то же самое, что он лично говорил Варе».

Взрослые и подростки поняли, что Володя в этой сцене признается в любви не госпоже Бонасье, а Варе. Все знали об их встречах, но не знали, насколько это серьезно. И, узнав об этом, никто не сообразил, что Володя совершает тем самым подлое предательство. Удивительная глухота и слепота!

Внутренний мир подростка остается наглухо закрытым для школьных учителей, занятых только тем, чтобы в школе внешне все выглядело благополучно. Ученики не интересуются учителями, а учителя не способны понять своих учеников. И чтобы у читателей не было сомнений относительно типичности этого явления, автор резюмирует: «Я побывал в этой школе, познакомился с директором, встретился с десятым классом и — *как это уже случалось в других школах* (выделено мною. — В. П.) — на меня пахло дыханием сложного мира, в котором, как в глухом лесу, бродят, перекликаясь, взрослые, слыша только собственные невнятные голоса».

Таким образом, мир взрослых существует изолированно от мира подростков. Они, эти различные поколения людей, не в состоянии понять друг друга, настолько противоположны их интересы, подход к одним и тем же явлениям жизни. Их интересы нигде не соприкасаются.

В. Каверин прав только, пожалуй, в одном: десятиклассники — это действительно «целый мир, такой же сложный и запутанный, как мир взрослых, да еще находящийся в состоянии неустойчивого равновесия». Видимо, таков был и замысел повести — показать этот мир во всей сложности и запутанности. Но этого не получилось. На редкость односторонне, однобоко представлены в повести как ученики, так и учителя.

Особенно карикатурным выглядит во всей рассказанной здесь истории Андрей Данилович Соловьев. В роли же главного судьи, следователя и обвинителя выступает Костя Древин.

Каков же его моральный и нравственный уровень? Может ли он выступать в навязанной ему автором роли? Нет ли здесь противоречия между этой ролью и сущностью его личности? Думается, Костя Древин — не тот человек, за которого автор выдает его. Герой предстанет читателю завистливым, мелким, расчетливым. Он не хочет врать перед самим собой, вранье без определенной цели он отвергает. Другое дело — вранье с целью. Все врут: «Говорят, есть какой-то «детектор лжи». Если пристроить его в наш класс, машинка работала бы бесперебойно. Даже Андрей Данилович, который очень любит говорить об искренности, тоже задал бы ей работенку». Костя Древин во всем видит вранье, ложь, неискренность: «...у нас комсомольская работа завалилась давно, потому что она нужна главным образом директору и еще кое-кому для карьеры... Мне, между прочим, неприятно, когда Пелевин (лучший ученик класса. — В. П.) с восторгом говорит об Олеге Кошевом, или Рогальская, у которой выщипаны бровки, лепечет, что ее любимая героиня — Любовь Шевцова... Считается, например, что мы не знаем жизнь, а мы знаем ее и научились ей, между прочим, в школе. Мы знаем, что не надо говорить и что надо и чем можно воспользовать-

ся, а чем нельзя. Если бы старый большевик заглянул, например, нашему Пелевину в душу, он в два счета загнул бы копыта. Если в жизни придется хитрить и ловчить — мы что, этого не умеем? Нам даже приходится изворачиваться, чтобы они, то есть взрослые, думали, что мы ничего не понимаем и не замечаем». Костя Древин ни во что и никому не верит, все подвергает ироническому осмеянию: нравственные и моральные законы нашего общества, школу, семью, товарищей. Он ни с кем не дружит, он все отрицает.

В повести отношение к школьной программе излагает все тот же Костя Древин: литературой вообще не нужно заниматься, «девяносто процентов литературы — чтение, и для чтения программа вообще не нужна и практически не существует. В школе мы читаем «Что делать?», а дома — «Звезды смотрят вниз», где как раз написано, что делать, например, с бабами и вообще, как надо в жизни добиваться успеха... Из школьных предметов надо оставить только те, которыми невозможно заниматься дома, а из литературы — книги, которые могут пригодиться и жизни с исторической точки зрения».

Человек бессилён что-либо изменить, тем более свою собственную природу. Корыстолюбие, злоба, ненависть, полнейшее отсутствие идеалов, мечтаний, стремлений, подсиживание друг друга, наушничанье — вот черты персонажей «Школьного спектакля» В. Каверина. Очевидно, идея повести возникла как результат нарочитого, раздраженного отношения писателя к тем или иным явлениям жизни. При таком отношении художник начинает подыскивать факты, явления, события, которые бы подтверждали законность его идеи. Он коверкает реальную действительность, многое преувеличивает, выдавая исключительное за типическое. Коверкая жизнь и понимая это, художник боится, что ему не поверят и тот случай, который он описывает, не примут за что-то органическое, типическое, характерное, и поэтому он и каждому или почти каждому действующему лицу привешивает ярлык, который уже не снимается до конца произведения. Здесь мы все время чувствуем присутствие автора, все время чувствуем его холодный расчет и постоянное подчеркивание своих намерений. Утверждение такой тенденции приводит писателя к разрыву с жизненной правдой, так как влечет за собой преувеличения, замалчивания, неточности.

Надо ли закрывать глаза на то, что подобный художнический опыт показался привлекательным для некоторой части молодых писателей? Возьмем, к примеру, рассказ А. Кургатникова «На факультете». Прочитаешь такое — и невольно вспомнишь гоголевского Собакевича, по мнению которого порядочных людей на свете нет. Диву даешься, как могло «уместиться» в небольшом рассказике столько непорядочных людей. И откуда такая злоба и ненависть к людям? Ни одного настоящего человека, одни сплошные уродливые маски. Отвратительная Камилла Анатольевна, «ненавистная» Моханова, «тихая, милая и неизменно скучная» Людочка, равнодушный к делам кафедры Олег Алексеевич Бухвалов, нахальный, бездарный студент Сорокин — вот действующие лица этого рассказа.

Вспомним мысль М.А. Шолохова о пагубности самоцельного заострения произведения, когда автора несколько не волнует, куда направлено такое заострение. Видимо, таким самоцельным заострителем кажется: чем они «критичнее», тем ближе к реальному, тем больше у них шансов быть замеченными, признанными. Какое глубокое заблуждение! Невольно хочется процитировать строки из письма Льва Толстого молодому писателю Ф. Тищенко: «Сейчас вновь перечел ваш рассказ, и очень внимательно. Вся его первая часть совершенно невозможна. Все это так неестественно, преувеличено и выдуманно, что ни одна редакция, по моему мнению, не решится его напечатать. Судья, берущий взятки чаем и виноградом, который он с такой жадностью поедает со своей женой, становой с тесаком на боку... и т. д. неверные и, очевидно, в одном умышленно мрачном свете выставляемые выдуманные персонажи».

И это пишет великий реалист, который в жизни дореволюционной России видел так много безобразного. Есть, есть тут над чем задуматься тем, кто питает ложные иллюзии войти в литературу, прокрадываясь через задворки жизни, с превеликим вниманием заглядывая по пути в выгребные ямы.

Справедливо подвергаются партийной критике художники, деятели искусства за их неточные, а порой и просто неверные мысли, представления о роли и назначении искусства и литературы в наше время — время строительства коммунизма. Ничто не спасет художника — ни острый ум, ни яркий темперамент, если нет духовной сращенности со своим народом, с его думами и чувствами, заботами и страстями. Быть народным в условиях острой классовой борьбы, в условиях борьбы за построение коммунизма — значит отражать не просто народную жизнь, а коренные, переломные моменты в жизни народа.

На примере таких, скажем, разных по стилиевой манере современных русских прозаиков, как Анатолий Иванов и Виктор Астафьев, воочию видишь всю плодотворность многомерного, всеобъемлющего изображения человека, всестороннего отображения явлений нашей действительности.

У каждого писателя свой круг излюбленных тем; Анатолия Иванова привлекают глубинные социальные процессы, которые происходят в недрах нашего общества.

В своем первом романе «Повитель» писатель вскрыл корни частнособственнической психологии. Здесь гибнут люди, если они отравлены неизлечимой жаждой накопительства, а советское общество уберегает и спасает от гибели тех, кого эта страшная язва не успела прожечь насквозь.

В романе «Тени исчезают в полдень» А. Иванов показывает нам людей, строй мыслей и поступки которых враждебны благородным идеалам и целям нашего общества. Под воздействием социалистической действительности гибнут, разлагаясь и смердя, «последние могикане» старого мира, всякими правдами и неправдами дожившие до наших дней.

Одной из сильных сторон романа является обличение религии, в частности религиозного сектантства, как рассадника антигуманизма, античеловечности и прямых антисоветских идей. Тени прошлого еще бродят по нашей земле. О тех, кто забился от революции в самые темные и узкие щели и долгие годы не осмеливался оттуда выползть, надеясь, что снова придет время, когда они смогут обрести утерянную власть над людьми, господство над жизнью, Анатолий Иванов пишет сурово и беспощадно. Об этом уже говорилось в критике. Но ведь не только об этом роман. Замысел сложнее, глубже, тоньше.

Действительно А. Иванов много внимания уделяет изобличению религиозного сектантства, исследованию его социальных корней, создает целую галерею сложных, глубоких характеров скрытых врагов.

Демид Меньшиков — умный и тонкий враг. Как и его верная союзница Пистимея, он умело использует ошибки, соучастие в преступлениях, вовлекает, затягивает в свои сети людей, совершивших некогда неблагоприятные поступки. Всеми средствами они пытаются растлить души людей, погасить в них радость жизни. Слезы на глазах, огорчение в сердце — это для них радость, значит, человек меньше будет полезен обществу.

Роман построен на материале колхозной деревни. Жизнь в деревне идет своим чередом: люди работают, думают, грустят. Ничто, кажется, не предвещает драматических событий. Мир и спокойствие здесь. Деревня, залитая радостным солнечным светом, блестит всеми красками. И люди — особенно Иринка Шатрова — словно бы купаются в этом веселом солнечном свете. Все как будто хорошо складывается в это утро: люди повеселели, приободрились после долгожданного дождя. Только Захару Большакову — председателю колхоза — как-то не по себе. Стоило ему выглянуть в окно, как лицо его нахмурилось, сделалось озабоченным: он увидел, что жена бригадира Устина Морозова — старая Пистимея, быстро перейдя дорогу, юркнула в переулок, а за ней следом потащилось несколько старушенок. Уж председатель-то знал, куда они пошли, — в той стороне, на краю деревни, стоял баптистский молитвенный дом.

Так вот, по двум руслам, и развивается действие в романе. Одно — сегодняшний день деревни со всеми ее крупными и мелкими будничными делами. Другое возвращает нас в прошлое главных персонажей романа: Устина и Пистимеи Морозовых, Захара Большакова и Фрола Курганова.

Роман А. Иванова густо населен героями. Есть тут такие, как Захар Большаков. Он словно осокорь, высаженный на крутом берегу Светлихи. Вся его жизнь, его мысли и чувства на виду, ему-то скрывать нечего: ни своих идеалов, ни горечи утраты, ни мук сердца. А есть тут и такие, которые чем-то напоминают кочан капусты: завернулись в листья и «попробуй раздень его до кочерыжки». Так и прожили почти всю жизнь Фрол Курганов и Анисим Шатров: свернулись в кочан, а развернуться уже не могли. Только уж тогда, когда жить-то осталось недолго, признался Анисим, какой обездоленной и тяжелой была его жизнь — без любви, без друзей.

А. Иванов показывает людей необычной судьбы, людей со сложными и противоречивыми характерами. Наиболее интересными и значительными среди этих персонажей, безусловно, являются Фрол Курганов, Устин Морозов, Пистимея, Захар Большаков. Все они, положительные и отрицательные, обладают одним необходимым качеством художественного образа — производят впечатление жизненной достоверности.

А. Иванов выбрал для событий романа трудное время — неурожайное лето и голодную зиму 1960/61 года. Ежедневно шел дождь. Люди каждый день выходили на работу, косили, а потом ворошили сено, не давая ему окончательно пропасть. И что только не делали: сушили накошенную траву на козлах, сметывали влажное сено в стога, пересыпая его солью, но сено все равно гнило. Бесплодная работа иссушала души людей, настроение их падало.

В такие мгновения общественной жизни оживают враги, пользуются трудностями, стараются пустить черный слухок. Этим моментом воспользовались Пистимея и Устин Морозовы. Они подбивали Фрола Курганова затеять «бузу» на лугу, чтобы люди отказались работать, тем более что многим работа казалась бессмысленной. И вот в один из таких дней, когда людям было особенно тяжело, Фрол Курганов бросил вилы, отказался «зря спину надламывать». Все перестали работать. Казалось бы, люди сочувствуют Фролу: ведь действительно работа многим представлялась бессмысленной. Но это не так. В настроении этого эпизода сказалось незаурядное мастерство А. Иванова создавать массовые сцены, где образ народа предстает многоликим, разнохарактерным. Незримыми нитями удалось автору связать всех этих разных людей, резко индивидуализировать их отношение к поступку Фрола Курганова. Никто не упрекнул его, только Анисим Шатров чуть насмешливо кивнул в сторону Фрола: «Грех да позор — как дозор: хошь не хошь, а нести надо». «А Фролу, видимо, было бы легче, если бы вместо каждого слова ему вбивали в голову по раскаленному добела гвоздю. Он пошатнулся, обмякнув, сел, как упал, на кошенину, будто его в самом деле ударили по голове. Глянул на балаган, куда скрылся Устин Морозов, и как-то сник, сжался, стал смотреть вниз».

Пока это еще только намек, пока мы только догадываемся, что Фрол почему-то зависит от Устина, подчиняется его поведению. Выходка на лугу тяжелой болью отзовется в его сердце. На драматическом противоречии внешнего и внутреннего и разворачивает А. Иванов перед читателем сложный и противоречивый характер Фрола Курганова. На людях он груб, угрюм, нелюдим, зол. Но все это только внешнее. Душа у него совсем другая. И раньше всех это поняла Клавдия Никулина. Она заметила, что больше он сердится на самого себя; за каждый проступок перед людьми ему стыдно перед самим собой, совестно за содеянное. Своим по-бабьи чутким сердцем она угадала в нем доброго и сильного человека. И не ошиблась: «Фрол, огромный, неуклюжий, пошевелился и чуть отодвинулся от Клашки. Помолчал и сказал неожиданно:

— Слышь, живет?

— Кто живет? — не поняла Никулина.

— Озеро. А так вроде мертвое.

Клаша прислушалась и тоже уловила еле внятное всплескивание невидимых в темноте маленьких волн. И вдруг ей стало понятно, что хотел сказать этим Фрол». Нет, не мертва его душа, и там, как в озере, идет своя жизнь, и там плещутся волны добра и стремления к счастью, но эти волны настолько маленькие, что невидимы простому человеческому глазу.

Клавдия ударила его по больному месту, и Фрол снова взорвался: «Чего ты хочешь разглядеть во мне? И чего можешь? Катитесь вы все... Может, я ненавижу всех вас! А, как это? Ненавижу за то, что живете так, как хотите. За то, что для вас все дни будто из одной радости сотканы...» А у него все дни сотканы из страданий, возникших оттого, что живет не своей жизнью.

В молодости Фрол Курганов случайно оказался соучастником преступления — убийства Марии Вороновой. Он был вдребезги пьян и смутно помнил, как это все произошло. С тех пор отдалился от людей, стал угрюмым, нелюдимым: вот уже сорок лет казнит самого себя за то, что допустил убийство любимой женщины. Встреча с Устином Морозовым, подосланным Демидом Меньшиковым, круто изменила его жизнь. С тех пор он делал не то, что хотел! И в этом была его трагедия. Он не любил Стешку, а женился на ней, женился только потому, что так хотел Устин Морозов, а в конечном счете Пистимея Морозова, в прошлом дочь миллионера Аркадия Клычкова. Образ Серафимы—Пистимеи в романе дается своеобразно. Ее внутренний мир раскрывается только в действиях, поступках. Но вся ее суть, ее «идеалы» жизни, ее закваска — все это показано и объяснено в прологе. Подробности здесь служат именно для того, чтобы читатели постоянно помнили, кто такая Пистимея, догадывались, чем объясняется ее ненависть к людям. А мстит она людям не только потому, что они отняли у нее золотые рудники (рудники — это только крупница!). Ее лишили сладкой жизни. Революция началась, когда она только что вкусила сладость власти. Вот почему А. Иванов в прологе вскрывает причины и показывает умение Серафимы подчинить себе рабов, лакеев, исполнителей ее воли (сперва Артамон, потом Матвей Сажин, потом Филька Меньшиков, потом Демид Меньшиков, наконец, Устин Морозов, сектанты). После пролога становится понятно, почему Пистимея смогла из Устина Морозова сделать послушное и бессловесное орудие для выполнения своих замыслов.

Пистимея действует в религиозной среде. Она сумела завоевать доверие богомольных старушенок. А почему? И опять возвращаемся к прологу, в котором даны подробности староверческого быта, история религиозного воспитания Пистимеи. Мы видим, что Серафима глубоко разбирается во всех религиозных вопросах. Сама-то Пистимея не верит в бога, религия для нее только средство для выполнения своих целей.

В Зеленом доле, куда Устин и Пистимея приехали, скрыв свои настоящие имена, затаились в надежде, что придет когда-нибудь конец Совет-

ской власти и они снова, как прежде, будут господствовать над людьми. А пока их власть распространялась только на Фрола Курганова, на Егора Кузьмина да еще на двух-трех самых никчемных людей Зеленого дола. Остается одна надежда — Фрол, но и он уходит, ощутив внезапно возникшее чувство настоящей, большой любви к Клавдии Никулиной. Перед ним открывается новая жизнь — и от равнодушия его не остается и следа. Не считаясь с условностями, Фрол порывает с семьей, уходит к любимой женщине. Именно в этот момент своей жизни он перестает подчиняться Устину и действует совершенно самостоятельно — сообщает о трех стогах сена, «забытых» по требованию Устина Морозова, привозит собственное сено на колхозный двор.

Действие в романе стремительно нарастает, одно событие сменяет другое. Разговор Устина Морозова и Петра Смирнова, встреча Устина и Пистимей с Демидом Меньшиковым — одним из руководителей подпольной секты иеговистов, драматическая история в семье Уваровых, гибель Устина Морозова и суд над Демидом Меньшиковым и его подручным — все эти события полностью выявляют сущность этих подлых людей.

Раскрывая перед читателем смысл социально-политического конфликта, А. Иванов уже в самом начале романа сталкивает две противоборствующие силы. В разговоре с Устином Морозовым Захар Большаков говорит: «Конечно, порой зло разливается... Ясно одно — разум человеческий все крепнет, крепнет, сметает любое зло, сумевшее разлиться местами, все скорее. И недалеки те времена, когда и на минуту ему пролиться не даст. Но эти времена пока не наступили, зло порой еще разливается и на нашей земле». И люди должны быть бдительными, должны помнить о своих гражданских обязанностях, бороться против всех мракобесов, в какие бы одежды они ни рядились. Устин, Демид, Пистимей обречены. Но и сознавая свою обреченность, они могут завлечь людей в свои сети.

Деньги в советское время не дают власти. Это они поняли сразу. Они нашли другой способ командовать людьми, опутывая их религиозными сетями.

...Вот полюбила девушка парня, полюбила глубоко, бескорыстно, а он ее бросил, и осталась она одна-одинешенька со своим горем, затаилась, не призналась, от кого ребенок, ушла из деревни, чтобы избежать лишних расспросов.

Вот Степанида — мать Митьки Курганова — уговорила сына бросить Зину, помогла ему «распутаться» с ней, позаботилась тихонько, незаметно, чтобы та сама убралась из деревни. Приметила, что Зина стыдлива и не переносит всяких пересудов. А приметив, вместе с Пистимеей сделала так, что о ее беременности заговорила почти вся деревня, особенно старушонки, посещавшие молитвенный дом, где верховодила Пистимей Морозова. Свою власть над Зиной Пистимей осуществляла и в Озерках, через Марфу Кузьмину, зловеще влияла на ее судьбу.

Таким способом можно загасить начавшуюся любовь и тем самым на долгие месяцы отравить жизнь Иринки Шатровой, неожиданно по-

любившей Митьку Курганова. Можно заставить написать ложный донос на Петра Смирнова, будто бы он жил с Зиной Никулиной, и тем самым унижить человека. Заставить-то заставили, но в Зине пробудилась совесть, и она забрала свое ложное заявление. Власть над людьми оказалась призрачной; ничто не помогло — ни лесть, ни хитрость. Все делают Пистимея и Демир, чтобы завлечь в свои сети как можно больше людей, сделать их послушными рабами и хоть чуть-чуть удовлетворить свое стремление повелевать людьми. А главное, если начнется война, то люди, одурманенные религиозными предрассудками, не будут взрывать эшелоны с вражескими солдатами, которые, как надеются наши противники, снова будут разгуливать по русской земле.

Трудно подобрать ключи к сердцу человека, если он ходит «будто в радости выкупанный». Гораздо легче, когда человек в беде, испытывает мучительные страдания. Тут ему и напомнить о боге, о грехах. Зина оказалась в безвыходном положении: никто не сдавал ей комнату, как только узнавали, что она ждет ребенка. А Пистимея умело расставила сети, окружив ее в незнакомом городе теплом, вниманием, заботой верующих старушенок, которые день за днем твердили ей, что за «грехи тяжкие» наказал ее господь и нужно долго молиться, чтобы очиститься. Разное пришлось испытать Зине. Старательно управляла Пистимея ее поступками и действиями, до того опутала, что она по приказу Демида Меньшикова спокойно пришла «утешать» Устину Морозова, не видя в этом ничего зазорного. «Чего стыдиться, — отвечает она на вопрос Устины Морозова, — я греха не делаю... Потому что говорится в Евангелии от Иоанна: «Всякий рожденный от бога не делает греха...» Все в ней было живым — золотистые волосы, пылающие огнем щеки, влажные, горячие губы... И только остекленевшие глаза безжизненно смотрели куда-то мимо... То, что она испытала в кругу баптистов, иеговистов, вычерпало из нее душу, превратило в послушное орудие чужой воли.

Еще более страшная и дикая история произошла в семье Уваровых. Все давно знали, что Уваровы — люди религиозные. Что ж, ничего не поделаешь... Ведь свобода совести гарантируется законом. А тут произошло такое, что у всех отбило охоту говорить о свободе совести. Глава уваровского дома, старик Евдоким, ночью заставил жену одного из своих сыновей, Исидора, стать голыми коленками в снег и до самого солнцевосхода замаливать какие-то грехи. И страшная драма открылась людям. Еще осенью сорок четвертого года, во время войны, разнеслась весть: утонул Ленька, сын Исидора, бывшего тогда на фронте. А на самом деле не утонул, а по совету Пистимеи был спрятан в подземелье, где и скрывался около шестнадцати лет. Мать его только на смертном одре призналась, что всеми поступками и действиями Уваровых руководила Пистимея Морозова: «Она ить, Серафима... самолично иногда спускалась к Ленюшке. Все божьей карой грозилась. И отшибли у ребенка ум. Когда Исидор пришел с фронту — и его запугали с Евдокимом... И меня, шутка ли, мол, — сына... от армии... от войны... укрывали. Не погладят, мол, за это... Сколько я слез тайком пролила... А потом — не стало их, слез-то... Кончились. Сказала я — не

могу больше, объявлю всем людям пойду... Евдоким-то сказал тогда: бес в тебе заговорил! И заставил меня... выморозить его... беса...»

Каждую оплошность, каждую ошибку используют эти ловцы человеческих душ. Ошибся Фрол, и его затащили в свои сети Пистимея и Устин. Ошибся Митька, и Зина оказалась погубленной. Не уберег Фрол своего сына от легкомыслия, каким сам страдал в молодости. И уж он ли не старался сделать Митьку нравственно чистым, всячески изгонял из его ребячьей души принципы и повадки старого, стяжательского мира, насаждаемого в его душе матерью Степанидой. Видно, где-то успела мать привить Митьке этакую легкость и беззаботность. Видно, и сам в воспитании нравственных принципов своего сына не всегда был последователен и строг.

Оберегает Фрол Митьку. Сам оказавшись в цепких лапах своих врагов, он всеми способами старается не втянуть Митьку в свои грязные дела. На старости лет потянуло его к Клавдии Никулиной, да так потянуло, что он готов все бросить — дом, жену, нажитое хозяйство. Мучительная борьба происходит в нем: страсть тянет его к Клавдии, он готов вспыхнуть ярким пламенем и догореть, может, в последнем огне; но стыдливость останавливает этот его порыв. Перед женой, перед людьми, а главное, перед Митькой ему стыдно за свою любовь.

А. Иванов умеет тонко, ненавязчиво передать душевное состояние своего героя.

В деревне ничего нельзя скрыть. Стоило два-три раза Фролу пристально посмотреть на Клавдию, как сразу покатился слух, раздуваемый с помощью Устина и его подручных. Пристально следит за ним Устин. Пришел Фрол к Клавдии, просто так пришел, без определенных целей, зашел, поддавшись своему чувству. Он вовсе не собирался объясняться в любви. У него не было такого намерения. А все произошло против их воли, и, как солнечный удар, поразила их любовь.

Выделяется по своему мастерству сцена любовного объяснения этих двух глубоко несчастных людей, потянувшихся друг к другу. Она и боится его, и тянется к нему. Но не долго они оставались наедине; Устин, внимательно следивший за ними, подсылает жену Фрола Степаниду.

Здесь три человека предстают в своем истинном свете: нечего скрывать, можно высказать все, что думаешь, чувствуешь. И вот две женщины, до тех пор с неприязнью смотревшие друг на друга, поддавшись своим чувствам, налетевшим как снежная лавина и смявшим все преграды, возведенные разумом, после невольно вырвавшихся слов Клавдии: «За что ты меня коришь?» — вместе расплакались, обнявшись, поженски, смывая с себя наболевшее.

Люди примечали, что Фрол что-то вроде прячет в себе от людского взгляда. А что — никто не знал, не догадывался. Да и как отнестись к Фролу, не каждый знал. Фрол весь словно соткан из противоречий. Сам по себе он добрый, душевный, по-своему благородный человек. Много хороших дел числится за ним. В нем теплится живая душа.

Вот два человека смотрят на Фрола, сбрасывающего пахучие пласты сена со своих поветей. Петру Смирнову, приезжему журналисту, он

кажется «зверем», «жуликом», «спекулянтом», готовым поднажиться на бескормице, а Захар Большаков, всю жизнь проживший с Фролом и хорошо знавший его, сомневается в том, что Фрол может использовать бескормицу в корыстных целях.

Один судит человека по внешним признакам, другой исходит из знания человеческого характера. Не верит Захар Большаков, что Фрол может продавать сено в такое тяжелое для колхоза время. Петр Смирнов после первой же встречи с Фролом готов того уничтожить, растоптать как врага, а когда узнает, что Фрол — полный кавалер орденов Славы, теряется, слабеет от сердечного приступа, подкатившего к нему.

Надо отделять внешнее от внутреннего. Внешне Фрол всегда угрюм, едко ироничен. Глядит всегда исподлобья. «Но едва примется за работу — преобразается весь...», «сделает на совесть». А другой человек с готовностью приступает к делу, выполняет его тоже вроде на совесть, но делает это все только «для виду». Именно Фрол обратил внимание, что в новой школе окна очень узкие и ребята могут испортить себе глаза при таком освещении. Именно он спас от пожара тридцать свиней, «по тем временам — богатство». Захар Большаков, «несмотря ни на что», давно готов поставить его бригадиром, но Фрол сам не хочет этого доверия.

Петр Смирнов все еще готов напечатать о нем заметку под заглавием «Рвач и спекулянт», а Захар останавливает его порыв: «Понимаешь, Петр Иванович, что-то происходит в его душе. И, видимо, давно. У меня такое впечатление, будто у него внутри то затягивается, то опять начинает кровоточить какая-то рана. Но какая? Что с ним произошло? Не знаю. Будто бы ничего такого, никакой особой беды с ним не приключилось — ведь всю жизнь на моих глазах прожил. А поговорить с ним по душам — невозможно». «С чужинкой человек» — так о Фроле отзывался и Филимон Колесников. «Везти везет, а голову всю жизнь набок, как пристяжная...», «глаза от людей воротит». С чужинкой человек не страшен. У каждого человека своя чужинка. «Иначе тихая жизнь была бы, как стоячее болото. Только когда непонятно, что за чужинка, отчего она, беспокойно как-то».

Видимо, это и есть основная мысль романа. Человек может быть «сверху тих, а снутри лих». А может и наоборот. Так что сложнее природы человеческой ничего нет в жизни.

Фрол Курганов несет в себе безысходную тоску. Он ненавидит самого себя. Ему стыдно, что он ходит по земле, пользуется ее дарами, ему как будто легче, когда он видит людскую неприязнь к себе. Эта неприязнь — как возмездие за те проступки перед народом, которые он совершает по наущению Устина Морозова, и она, как тяжкий крест, давит на Фрола. Только освобождаясь от этого гнетущего чувства, он поступает свободно, без подсказки. Вот и сено на колхозный двор привез по своей личной инициативе, тем самым собственным примером указал выход из труднейшего положения. Но ему не нужна благодарность. Его поступок бескорыстен, это совершает он по велению души, а не для виду, как Устин. Лютой ненавистью ненавидит он людей, сущ-

ность которых расходится с внешними формами их поведения. За то же ненавидит и себя. Хочет, чтоб и другие не ошибались в нем, чтоб ненавидели. Тогда легче на душе становится. Но не хочет, чтоб к нему в душу лезли, расспрашивали. Не хочет, чтоб Устин Морозов убил Петра Смирнова, ставшего опасным для всей затаившейся в Зеленом доле банды, и посылает вслед за ним Митьку.

Фрол-то знает жизненные цели Устина, его философию. «Каждый вонюч в душе, если разобраться» — такова философия Устина, так думает он о людях. Этим же оправдывает и самого себя. Он думает, что Фрола держит в железных руках, «осилил... навсегда». А не понимает, что возникшее чувство к Клавдии заставило Фрола пересмотреть всю свою жизнь, взглянуть на нее со стороны.

Сцена встречи Устина и Фрола написана превосходно. Устин вызвал Фрола для того, чтобы дать ему наставления, как себя вести в дальнейшем. Ситуация сложная, к Устину и Пистимее стали присматриваться внимательнее. Ловчить стало труднее. Устин спокоен, требователен, деловит, смотрит на Фрола «так, как лесоруб, наверное, смотрит на дерево, прикидывая, с какого боку удобнее и легче его срубить». Даже чуть-чуть насмешлив, ироничен. Он знает свою силу, свое влияние на Фрола. Из его рук вырваться невозможно. Так было много лет. «Много кой-чего» делал Фрол по воле Устина. Но в их столкновении выясняется, что не Устин осилил Фрола, а «другая сила». И как только Фрол дал это понять Устину, тот забеспокоился. От уверенности, что он властвует над Фролом, не осталось и следа. Он становится раздражительным, беспокойство входит в его душу. Уж если Фрол, которого он крепко держал в своих руках, выходит из-под его подчинения, значит, дело плохо.

Фрол на этот раз на голову выше своего противника. Он виноват, он совершил ошибку. Страданиями он искупает свою вину и перед народом. И неведома сила, одолевшая его, — этот стыд перед народом, перед Захаром, перед своими односельчанами, перед сыном Митькой. Не мог он признаться в своей вине, не мог преодолеть в себе стыд за совершенное. «Грех да позор как дозор — нести надо». Вот всю жизнь он и несет в себе этот грех, мучается, страдает, а позором смыть его нет сил. Он люто ненавидит Устина и Пистимею, которые «давно мутят воду» здесь. «Только Светлиху вон... не испоганишь ведром помоев».

Он все думал, как не испортить Митьку своим позором, своим раскаянием он боялся навлечь на него беду. А получилось как раз наоборот. Митька пошел по неверной дорожке, по дорожке нравственного предательства. Все время занятый своими внутренними противоречиями, он и не заметил, что Митька вырос совсем не таким, каким отец хотел бы его видеть. Редко вмешивался он в воспитание сына, всецело передоверив его жене. А Степанида заботой, нежностью незаметно лепила из него человека, способного ради своей корысти и выгоды пойти на подлость и обман. «Выйти в люди» — вот что стало главной мечтой Дмитрия Курганова. И все давалось ему легко. Служба в армии, работа в поле, везде он на виду, всюду он стремится быть первым. К тому же — приятная вне-

шность. Недаром его называют «броским парнем». Но успех вскружил ему голову. В нем все чаще проявляются черты зазнайства, самоуверенности, самодовольства. Митька — сложный, противоречивый характер: до хрипоты может спорить, что ему начислили меньше, чем положено, а на другой день бескорыстно работает в кузнице; он может бросить работу с присказкой: «работа дураков любит», — и тут же через несколько минут снова взяться за вилы и пойти, как машина, разбрасывать стожки сена на удивление собравшимся колхозникам. Полюбил Иринку Шатрову, но, чтобы досадить ей и подчеркнуть свою независимость и молодечество, может обнимать на ее глазах Варьку Морозову. Во всех поступках и действиях Митьки проявлялась его неумная, озорная и щедрая натура. Но он мало думает о том, как отзовутся его поступки на судьбах других людей. Он с помощью матери избежал ответственности за свою подлость и обман по отношению к Зине. От всех своих односельчан скрыл, что стал отцом ребенка Зины. Скрыл от отца, нахально отказался говорить об этом с Захаром Большаковым. Митька говорит о своем отцовстве только тогда, когда Фрол перешел к Клавдии, перешел открыто, честно, в надежде на последнее счастье. Но беда еще более горькая, тяжелая надвинулась с той стороны, откуда ее и не ждали. Фрол узнал то, чего больше всего боялся: виновник трагических переживаний Зины Никулиной все-таки Митька. Из-за Митьки в Озерках оказалась Зина, впуталась там в секту иеговистов, стала «богородицей» Григория, наложницей Семена Прокудина, послушным орудием в руках ловких авантюристов. И дальнейшие события — следствие этой роковой ошибки. Братья и сестры во Христе отомстили Зине за отступничество — украл сына, и она ради его спасения вернулась в секту иеговистов: «...как же мне тяжело тут и мучительно, — писала Зина Митьке, — но это ничего, скоро сойдет благоденствие на меня. Хоть тело мое сейчас страдает, но умом я понимаю, что скоро... скоро сойдет. Только бы вытерпеть все божьи испытания. А послал мне бог за отступничество мое и хулу на него распятие на святом кресте. Ничего, Митька, некоторые, кто искренне раскаивается, выдерживают и такое испытание. И во мне силы прибывают, это я чувствую, потому что раскаялась. И готовлюсь... Пишу тебе только потому, чтобы ты не беспокоился за сыночка. Он жив и здоров. Я поняла, что должна его отдать в служение господу. Наша святая мать говорит, что за это мне простится половина грехов...»

Эта весть смяла Фрола, сделала его снова замкнутым, неразговорчивым, отрешенным. Фрол вернулся домой. Трудно, мучительно трудно было ему расставаться с Клавдией, давшей ему впервые в жизни радость человеческую, счастье любви, трудно было привыкнуть к мысли, что счастье, только что забрезжившее, заволкло грозными тучами расставания. Еще труднее было Клавдии. С этих пор она уже не улыбалась. Фрол понял, что его жизненная ошибка повлекла за собой ошибки сына, приведшие к трагическому исходу: к гибели Зины на «святом кресте».

Группа Пистимей разоблачена, но сколько она принесла людям горя, страданий, скольких она запутала, вовлекла в свои сети, скольких лишила радости и счастья. Вот почему так настойчиво советовал

Устин Фролу остаться с Клавдией. Уход Фрола от Клавдии мог бы и ее толкнуть в сети иеговистов, а каждая добыча для них — это удар по Советской власти, столь им ненавистной.

«Кража», «Последний поклон», «Синие сумерки», вышедшая в 1968 году в «Советской России» книга повестей — все это, взятое вместе, своего рода «избранное» Виктора Астафьева, заставляет говорить о нем как об одном из крупных современных русских писателей. Вроде бы совсем недавно был он молодым, «начинающим». И вот как-то незаметно, вдруг стал одним из видных современных художников.

Художественная автобиография — вот, в сущности, к чему сводится событийная сторона его «Кражи» и «Последнего поклона». Но только событийная, то есть только внешняя, документальная.

Когда читаешь рассказы и повести Виктора Астафьева, много возникает вопросов перед читателем. Художник, внимательно исследующий мир человеческих взаимоотношений, не может проходить мимо проблем, остро волнующих его современников. А в наши дни, как и прежде, порой зло разливается по земле, порой гнусность и подлость торжествуют свою победу над справедливостью и добром. Пусть эта победа временна, сиюминутна, но какие изменения она вносит в нравственный мир людей, оказавшихся вовлеченными в этот конфликт!

Природа злого поступка, недоброго дела очень сложна и порой противоречива. Человек может совершить какое-то действие, которое в конечном счете окажется нравственным или безнравственным, под влиянием побуждений чувства или побуждений интеллекта. Разумеется, и в том и в другом случае безнравственный поступок останется безнравственным. Но если художник установит, что то или иное действие совершено в минуту душевного ослепления, под воздействием острых страстей, а не в минуты холодного раздумья, наше отношение к этому поступку будет несколько иное, в этом случае, как говорится, возникают «смягчающие обстоятельства».

Виктор Астафьев внимательно исследует возникновение тех или иных чувств, тех или иных мыслей, в результате которых совершаются те или иные действия или поступки. И благодаря этому вниманию к внутренней стороне человеческой жизни Виктору Астафьеву удается вскрыть истинную сущность побуждений человеческих, подлинные мотивы поведения. Разумеется, это не новость в литературе. Вся подлинно русская литература, верная реалистическим заветам Толстого и Достоевского, верна этим принципам психологизма. Сейчас это особенно дорого и ценно в связи, повторяю, с теми натуралистическими и формалистическими тенденциями, о которых я уже упоминал. Человек Виктора Астафьева несет в себе и черты временные, настолько точно дана ему социальная и историческая характеристика, и черты общечеловеческие, настолько жизнь его многогранна, столько приходится ему испытать.

Герои В. Астафьева отличаются резко очерченным индивидуальным характером. Бесшабашный, словно заводной, Генка («Дикий

лук») совсем не похож на скромного, милого тихоню Митяя («Митяй с землечерпалки»), а Егор Романович Стрельцов («Восьмой побег») резко отличается от Григория Ефимовича из «Синих сумерек». Сколько персонажей, столько и характеров. И вместе с тем при всем резком различии индивидуальных характеров у героев Виктора Астафьева много общего — того, что обычно называют русским национальным характером.

Чаще всего герои Астафьева внешне неказисты, а то и просто с физическими недостатками — такими их обычно и знают окружающие. В этом узнается давний литературный прием. Вспомним «Река играет» Короленко. Таким был и Тюлин в представлении тех, кто его знал внешне. Действительно, ведь бывают такие мгновения в жизни человека, когда он раскрывается целиком, полностью и предстает с самой лучшей своей стороны. Когда человек совершает подвиг, разве обращают внимание на его внешность? Во всяком случае, все видят, что не во внешности дело. Такой момент у героев Астафьева чаще всего наступает тогда, когда нужно выявить свое отношение к несправедливости, к житейскому злу, обману, к нравственной нечистоплотности. Здесь не нужно выказывать свое физическое превосходство, игру мускулов, нужно просто вступить в борьбу с этой несправедливостью, отстаивать правду и моральную чистоту. Главное — одержать моральную победу, показать окружающим, что нельзя трусливо переносить безнравственные поступки своего пусть маленького начальства («Синие сумерки»). Не уронить своего человеческого достоинства, быть предельно честным перед самим собой, правдивым и не лукавить ради корысти и служебного преуспевания, мужественно встречать все удары судьбы, побеждать в себе уныние, страх перед неизвестностью. Доброта, бескорыстие, простота — таковы черты положительных героев Виктора Астафьева. Его герои — не громких биографий, их дела сливаются с делами всего народа нашего. Но и при всей «незаметности» их вклада в дело всего нашего народа герои Астафьева служат примером человеческой порядочности, стойкости, высокой нравственности.

Да, трудно говорить об Астафьеве — таком сложном, глубоком, серьезном художнике. Не сразу пришла к нему известность. Много лет «прозябал» на литературной периферии. А сейчас с нетерпением ждешь новых его произведений. Знаешь: обязательно испытаешь радость узнавания чего-то нового, неожиданного, то ли новый характер героя, то ли новые, неизвестные грани действительности откроются перед тобой.

Виктор Астафьев много написал. Разнообразны темы его произведений. Но, пожалуй, наиболее четко оформились три темы: дореволюционное прошлое нашего народа, человек на войне, человек и современный мир в различных его аспектах. А одна из самых главных проблем его творчества — человек и природа.

Его герой — «в муках рожденный» (так называлась его статья). В. Астафьев как корреспондент встречался со многими людьми, писал о них очерки, но каждый раз его охватывало чувство неудовлетворе-

ния: «Мне казалось, что бледней, худосочней получались эти герои на бумаге. В жизни они ярче, красочнее, богаче». И это чувство неудовлетворенности привело его к единственно правильному решению: факт, человеческая биография, случай на дорогах — это только строительный материал для лепки художественного образа своего современника, соединяющего в себе все духовное богатство и многогранность человеческих черт. Только взяв от каждого главное, можно слепить образ современника — к такому выводу приходит Виктор Астафьев.

Каков же герой Виктора Астафьева?

«Я уже подружился с ним, моим героем, уже могу с ним поговорить откровенно, и он порой открывается мне и доверяет кое-что свое, сокровенное. Мой герой — человек бывалый, с хитрецей и усталостью, проживший нелегкую жизнь, устоявший перед трудностями и несправедливостями. Он так, запросто, не открывается. К нему еще ключик надо подбирать».

«Я порой ясно вижу его, а порой он расплывается, бледнеет. А хочется, чтобы он получился живым, настоящим. Не могу я ободрать человека, который с детства начал зарабатывать свой хлеб, который прошел войну, и не просто прошел, увидел, победил, а натерпелся и страдался вдосталь. После войны тоже хватил лиха, ибо уходил на войну здоровым, молодым, а вернулся инвалидом, и все ему пришлось начинать сызнова: обзаводиться профессией, семьей, и каждая мелочь, каждый шаг, начиная с чайной ложки и кончая образованием, давались ему с великим трудом. А он от природы человек веселый, гордый, умеет посмеяться, пошутить, товарищей взбодрить и дрянь за горло схватить».

«Словом, мой герой — это тот парень, который не особенно в глаза бросается, который без шума и гама творит новую жизнь...»

«А таких парней, таких девушек у нас много. Это благодаря их труду, их великому терпению, их выносливости и крепкожилу возмужала и расцвела наша страна».

Любовь, жизнь, красота — неизменные «герои» его произведений. Яростно художник выступает против тех, кто старается «заменить чувства арифметическими формулами или цитатами из нравоучительных плакатов и лозунгов», кто стремится «убить в человеке человеческое». И наоборот, он восторженно говорит о тех произведениях, которые «наполнены глубоким, как правило, поэтическим раздумьем о жизни: добротой к человеку, к красоте его, образным языком, высоким нервущимся «звуком» сыновним, трепетным отношением к родной природе».

«Я часто думаю над тем, — писал В. Астафьев, — как, где найти такие краски и слова, чтобы в полный рост изобразить в муках родившегося нового человека, борца и создателя. А хочется только в полный рост. И, наверное, есть такие краски и слова. Надо искать».

Повесть «Последний поклон» Виктор Астафьев называет своей лучшей книгой: «самой дорогой книгой о самом дорогом и вечном», «книгой о бабушке и дедушке, а в общем-то о моей единственной и прекрасной Родине, которая исцеляет меня в дни горестей и тревог, а

свидание с нею очищает от житейской скверны и околелитературной болтовни». В этих словах — творческий замысел художника.

Кое-что из того, что есть в этой повести, мы уже читали как отдельные рассказы: маленькие повести «Далекая и близкая сказка», «Монах в новых штанах», «Ангел-хранитель», «Бабушкин праздник», «Где-то гремит война» и др. Но собранное все это вместе действительно составляет единую в своем замысле повесть как «последний поклон» бабушке и всем тем, кто помог ему вырасти и сформироваться настоящим человеком.

Тема родины проходит через всю повесть, скрепляя единым идейным стержнем все эти, казалось бы, отдельно существовавшие произведения.

«Если у человека нет матери, нет отца, но есть родина, — он еще не сирота. Все проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда! — не проходит и не гаснет тоска по родине». Так и умер в Черном краю Вася-поляк. Навсегда остался он в памяти своей тоскующей музыкой, пробудившей в рассказчике самые горькие и самые тревожные чувства.

Слушая музыку, ему казалось, что в мире нет никакого зла, в мире торжествует добро и ничего дурного не может в нем уместиться. В эти минуты он не боялся кладбища, не боялся одиночества, ночного мира, в обычные дни полного всяческих неожиданностей и странностей. В эту удивительную ночь он не побоялся зайти на кладбище поклониться дорогим могилам, посидеть на берегу Енисея. И, может быть, впервые задуматься над тем, почему «неспокойность» древнее буйство реки не возбуждает, а, наоборот, успокаивает: «Наверное, потому, что была осень, была луна над рекой... И еще, наверное, потому, что во мне звучала Васина музыка о неистребимой любви к родине. А Енисей, не спящий даже ночью, крутолобый бык на той стороне, пила еловых вершин над дальним перевалом, молчаливое село за моей спиной, кузничик, из последних сил работающий наперекор осени в крапиве, вроде бы один он во всем мире, трава, как бы отлитая из металла, — это и была моя родина, близкая и тревожная». Так пробуждается в сознании мальчишки свое понимание родины, чувство сопричастности всему, что делается и творится на его родной земле. И с каждым новым шагом по земле понятие родины будет расширяться, углубляться, но любовь к родному селу, память о родных могилах, о Васе-поляке, пробудившем в нем неизведанные чувства и страсти, останется в его сердце на всю жизнь.

Деревенский мальчишка, он многое узнавал от бабушки. Мир раздвигался, становился шире, он вышел за околицу деревни, в тайгу, впервые услышал зорькину песню. Бабушка рассказала ему об этой птичке, по голосу которой начинается жизнь леса. И эта песня, «песня пробуждающегося дня, вливалась в мое сердце и звучала, звучала, звучала». И сколько таких «песен» откроется любознательному деревенскому мальчишке, пытливо познающему окружающий его мир. От бабушки он узнал, что «деревья растут для всех». Человек, посадивший дерево, не

должен называть его своим. Деревья растут «и для птичек, и для людей, и для солнышка, и для печки».

Так вместе с детскими мыслями и заботами закладывались первые моральные и нравственные основы человеческого бытия.

Бабушкины внушения не прошли даром. Мальчишка совершает первый мужественный поступок, спасая из полыньи замерзающих гусей; рисковать жизнью ради их спасения может только очень добрый человек. От бабушки узнал он о целебной силе различных трав, ведь все деревенские ходили «к ней лечиться от живота, от простуды и еще от чего-то». К бабушке приходили попросить займы, она никогда не отказывала; к бабушке приходили за советом, и она, добрая и умная, находила лучший выход из трудного положения; от бабушки он узнал много сказок, легенд, пословиц, поговорок.

Сколько горя на земле, сколько страданий, несчастий, бед, и все это видит, чувствует бабушка Катерина Петровна. Она тяжело вздыхает, сочувствуя слепнушему Васе-поляку. Помогала ему, когда он окончательно ослеп и лишился скромного места сторожа на завозне. А сколько дел у бабушки! «Родню надо обойти. Указать всем. Генерал!..» Без нее в селе, как без командира на войне, — разброд и отсутствие дисциплины. Но и бабушка без народа «обходиться не может». Вот сущность ее характера. Везде и всюду она оказывается нужна: поможет вытащить внука из трясины, привезет из города пряник («Конь с розовой гривой»), сошьет из «своего фартука» сумку с ручками и с кармашком для чернильницы, как городскому, всегда пожалеет, одобрит, даст мудрые советы, и не случайно в те мгновения жизни, когда он делает свои самостоятельные шаги и что-то получается не так, он вспоминает бабушку — и тогда, когда страшно, и тогда, когда одиноко, и тогда, когда больно и обидно.

«Жизнь состоит из сплошных открытий» — эти слова бывшего человека могут служить эпиграфом, настолько точно они передают смысл всех эпизодов повести.

Перед нами постепенно вырисовывается сложный характер деревенского мальчишки. Жизнь потчевала его не только хлебом, была полна добра и света, радостью новых открытий, неожиданными и неизведанными чувствами. Зло, несправедливость тоже встречались на его пути. И своим детским сердчишком он уже понимал, где правда и справедливость, а где грубость и насилие.

Много раз Виктор Астафьев вспоминает войну, которая принесла горе и страдание в каждую семью. И пытается понять, почему же русский человек, вынесший на своих плечах непомерные тяжести, не озлобился, духовно не поистратился, не растоптал в душе своей стремление к добру и справедливости. Почему живут в душе русского человека неистребимая совесть, простота и какое-то непостижимое спокойствие даже тогда, когда на него наваливается беда, способная растоптать все лучшее в человеке.

Бабушке и всей ее семье пришлось пережить страшный голод, придавивший все село. «Замолкли песни, заглохли свадьбы и гулянки, при-

тихли собаки, не стало голубей... Сразу захмурили и словно бы состарились дома, углы у них были, как челюсти у голодных людей, сухи и костлявы». Все, что было, променяли на хлеб, даже бабушкину «смертную одежду», бережно хранимую ею для последнего часа своего. Оставалась только машинка «зингер», на которой Екатерина Петровна обшивала чуть ли не полсела. И до тех пор, пока машинка оставалась в доме, у всех в деревне теплилась надежда, что как-нибудь смогут выкрутиться из тяжелого положения.

Но «черный день» наступил. Золотые сережки — последнее, что осталось от матери Витьки, — отвезли в торгсин, лишь бы выходить парнишку, спасти его от голодной смерти. Потом дед пошел пилить дрова в сельсовет, и на заработанные им деньги бабушка купила в городе каравай хлеба, оказавшийся с мякинной начинкой. Горе великое пережили дед и бабушка, и не столько оттого, что оказались обманутыми, а скорее оттого, что есть на свете обманщики, способные наживать на горе и нужде людской. Лучше бы не дожить до этих дней, чем видеть такое злодейство и жульничество. Но даже и не эта черта бабушкиного характера привлекает здесь внимание. По дороге она подобрала щенка, которого выбросили околевать, ведь голод был по всей округе. А бабушка подобрала. Самим есть нечего, а накормила его. Только что горько плакала, проклиная обманщиков, а через некоторое время с какой-то детской беспомощностью улыбнулась, глядя на щенка, захлопотала, постепенно входя в привычный ритм домашней работы. А маленький полуголодный Витька узнал от бабушки еще одну святую заповедь русского человека: «Добро человеческое никогда не пропадет. И человека, и животину жалеть надо».

Горькое, печальное в этой истории сменяется юмором, веселым смехом, который вызывает у читателя рассказ о Шарике, «лукавой, глупой и преданной собаке».

«Осенние грусти и радости» — это рассказ о заготовке капусты на долгую сибирскую зиму. Труд великий, но радость и веселье сопровождают его. Катерину Петровну в деревне любят за доброту, справедливость, за то, что поделится последней хлебной коркой, за ясный, светлый ум — дурного уж никогда не присоветует, за трудолюбие и мастеровитость в каждом деле, за большое, щедрое сердце, которое обо всех болело и болит. И после каждого трудового дня Катерина Петровна охает, вздыхает, думает о близких и дальних родных, беспокоится о чем-то, переживает. Умаялась старая, да так, что не знает, куда и руки положить. И еще одну святую заповедь нашего народа узнает маленький Витька в тот тяжелый трудовой день: «В любом деле не слово, а руки всему голова. Рук жалеть не надо. Руки, они всему вкус и вид делают. Болят ночами рученьки мои, потому как не жалела я их никогда...»

С грустью вглядывается Виктор Астафьев в деревенскую «смешную фотографию», смешную, может быть, потому, что уж больно бедновато одеты ребятишки и девчонки, хотя и собирали для них со всей деревни, старались не ударить «лицом в грязь» перед приезжим фотографом. Эта фотография оживила в памяти и образ первого учителя.

Не удалось вспомнить ни имени, ни фамилии, но навсегда запомнилось его доброе, приветливое лицо, его мужество, с которым он бросился на змею, ограждая от опасности ребятишек, когда он вышел на лесную прогулку. Таким его запомнил Виктор Астафьев: всегда готовым «броситься вперед и оборонить своих учеников, помочь им в беде, облегчить и улучшить людскую жизнь». Вспомнилось и другое: бережное и трогательное отношение всего деревенского люда к этой замечательной супружеской паре учителей.

Учитель так и не узнал, кто привез ему воз дров, хотя вся деревня знала об этом. А бабы принесут то кринку молока, то сметанки, то творогу, да вроде бы у них и «забудут». «Ребеночка доглядят, полечат, если надо, учительницу необидно отругают за неумелость в обиходе с ребенком. Когда на сносях была учительница, не позволяли бабы ей воду таскать с Енисея».

Глядя на эту «смешную фотографию», Виктор Астафьев представил себе свою деревенскую жизнь, деревенский люд, который его окружал и помогал расти таким же добрым, честным, бескорыстным, трудолюбивым, мужественным и бесстрашным. Даже дядя Левонтий, беспробудный пьяница, предстает совсем в другом свете. Он бросил пить и дебоширить после разговора с учителем, который с ним «по-людски» поговорил. Молодой учитель нашел ключ к сердцу этого человека: давненько на него махнули рукой и никто с ним обычно не разговаривал «по-людски». Вот причина душевных перемен в дяде Левонтии.

Добрым, сильным, душевным, крепким предстает деревенский человек в повести «Последний поклон» Виктора Астафьева. Чужая беда становится близкой, и обостренное отношение к чужому горю — пожалуй, самая характерная черта Виктора Астафьева. Кеша («Где-то гремит война») точно выражает сущность главного героя: «Всегда ты за всех мучаешься. Оттого жить тебе тяжелее всех нас». Эта черта перешла к нему от бабушки, Катерины Петровны. Вмешиваться в чужие дела, помогать устраивать их, переживать вместе с людьми горе и радости — основная черта бабушкиного характера. И ей было «тяжелее» других, и Виктор Астафьев близко к сердцу принимал чужую беду. Если в первых новеллах главным героем была бабушка, в своих действиях и поступках, со своими мыслями, переживаниями, чувствами, а Витька только рядом с ней, словно воспринимая от нее уроки жизни, то в повести «Где-то гремит война» он чуть ли не впервые выходит на первый план и становится «самостоятельным» героем произведения, словно бы отвечает на вопрос читателей: чему ж, посмотрим, научила тебя бабушка, кого воспитала в тебе, что передала. Раньше если и случалась беда, то он твердо знал, что бабушка выручит, она такая, не оставит в беде. А на этот раз ему пришлось все делать самому, да еще в такое время, когда во всех уголках нашей страны гремит война. Всюду и везде трудности большие, горе великое испытывал народ. Большое горе вошло и в дом тетки Августы, и она «слезно молила» Виктора навестить ее. И вот он пошел в родную деревню.

И сразу попал в беду — сбился с дороги. Кругом снег, сурово и беспощадно завывает ветер, да и голод постоянно напоминает о себе, словом, есть от чего прийти в отчаяние, подумать о смерти. А ведь так не хочется умирать в неполных семнадцать лет, когда полон желания отплатить людям добром за то добро, которое они сделали ему, «отрывая от себя последний кусок». Борьба исчерпала его: казалось бы, все — силы оставили его, сейчас он прислонится к обрыву, заметет его снежком, и он останется здесь, так и не сделав никакой пользы людям, которые растили его. Еле слышный лай собак пробудил в нем надежды, но ненадолго, слишком отупел, устал бороться со стихией. Но вспомнил про хлеб, вспомнил мастера, который догадливо исхлопотал ему две пайки хлеба. И силы стали прибывать от хлеба, пахнущего пашней, родной землей, жестяной формой, смазанной автолом. И снова на его пути оказался добрый человек, впустивший его на ночлег и обогревший его теплом, ласковым словом. Откуда берутся вот такие люди, как Дарья Митрофановна, «конюшиха из Собакинской», которые обязательно пустят на ночлег, обогреют, ототрут, спасут и последнее отдадут?! И вот эту Дарью Митрофановну, спасшую ему жизнь, избушку, где он отогрелся, Виктор уже никогда не забудет: «Позднее, гораздо позднее, через много-много лет попробую я разобраться и уточнить, откуда у человека берется доподлинная, несочиненная любовь к ближнему своему, и сделаю открытие: прежде всего из таких вот избушек, изредка встречающихся на путях нашей жизни». И еще одно открытие сделает на этот раз Виктор: так сильно соскучился по родному селу, что даже сердце защемило у него от «такого одинокого, такого сиротливого и чистого, такого родного и близкого села. Как трудно жить вдали от него. Когда показались дома, он заторопился, хотелось поскорее увидеть то, что дорого с детства. Но мало что изменилось здесь... Село стояло на месте: дома, улицы, а значит, и весь мир жили своей неходкой жизнью, веками сложенным чередом. С этой встречи с родным селом-деревушкой останется в душе моей вера в незыблемость мира до тех пор, пока есть в нем моя странная, земная деревушка. Они так и будут вечно жить сообща — деревушка в мире и мир в деревушке».

«Деревушка в мире и мир в деревушке» — с этого мгновения вся его жизнь, все его мысли, действия, поступки, свершения окрашиваются этим неугасимым высоким патриотическим чувством любви к своей Родине. Любовь к своей деревушке питает и любовь к своей стране, формирует и воспитывает патриотическое сознание человека, подобно тому, как незаметные родники — великие реки. Любовь человеческая перерастает в любовь всенародную.

«Здесь было все: и игры и драки. Здесь меня приучили к труду, заставляли сгребать снег, выпроваживать весенние ручьи за ворота. Здесь я пилил дрова, убирал навоз, ладил трактор из кирпичей, сажил первое в жизни деревце». Здесь была тайга, дедушкина заимка. Здесь, наконец, была русская печка, куда забирался он и от бабушкиного гнева, и с различными мальчишескими бедами, огорчениями, секретами.

Здесь испытывал голод, нужду. Здесь узнал первые радости, тревоги, счастье, здесь же получил первые уроки нравственного воспитания. Словом, здесь он сформировался как человек, как личность. И то, что он пришел сюда, к тетке Августе, чтобы разделить с нею горе, обрушившееся на нее — похоронная с фронта пришла, — свидетельствует, что уроки, преподанные бабушкой и дедушкой, близкими и родными, всем деревенским людом, не прошли даром: «Когда снаряжали меня в путь-дорогу, все, по-моему, догадывались, зачем покликала меня тетка, и своей заботой хотели облегчить мою дорогу. А я шел в ночь, в стужу, в метель, чтоб облегчить горе Августы. И не знал, как это сделать, но все равно шел». Таков уж характер русского человека — горе и радость делить пополам со своими близкими, родными, со всем своим народом.

Горе тетки Августы ни с чем не сравнить: похоронная с фронта, а тут голодные, страдающие от многих недостатков и лишений родные дети. Видеть, как они тают на глазах, слышать их требовательные голоса, просящие хлеба, — что может быть страшнее и трагичнее, особенно для матери. А тут дикие козы напали на сено, а без сена коровенка не перезимует. А без коровы тетке Августе с детьми не выжить. И когда до Виктора дошел смысл этого нового горя, он в испуге перестал даже есть, холод прошелся по его спине. Ему хочется заорать на тетку Августу, но он сдерживает себя и своим спокойствием показывает, что нет безвыходных положений: «Хорошо, что ты пришел... Надумала я удузиться. И веревку припасла...» Самоубийством надумала она спасти своих детей, ведь их бы забрали в детдом, стали бы кормить и одевать. А вот пришел Виктор, поплакала, пожаловилась, сердце и отошло. Вернулась к жизни со всеми ее тяготами и новыми заботами: «Одну беду над моей теткой пронесло. Она потянет дальше тяжелый свой воз, одолевает метр за метром тяжкую, многими русскими бабами утопанную тропу».

И Виктор помог ей в этой беде, выдержав первый экзамен на зрелость. Так рос, мужал, закалялся и формировался, как характер, Виктор Астафьев — писатель, автор многих рассказов и повестей.

До сих пор мне казалось, что я хорошо знал Виктора Астафьева и как писателя и как человека, и некоторые основания были к тому: редактировал книгу его рассказов, разговаривал, спорил, слушал его на официальных и дружеских встречах: весь он, беспокойный, ершистый, прямой, беспредельно честный и открытый, был для меня как на ладони. Но созданный им образ простой русской женщины, мужественной в беде и горе, умной, чуткой, бескорыстной, трудолюбивой, открыл какие-то новые стороны и его характера...

Думаю, что надежда Виктора Астафьева оправдается: в образе его бабушки, Катерины Петровны, и дедушки многие читатели отыщут черты своих бабушек и дедушек, черты своих матерей и отцов, и будет их «жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта».

В какой-то книге Виктор Астафьев вычитал, будто жизнь пахнет розами. В такую жизнь и он сам, и герои его произведений не верят, та-

кую жизнь они просто-напросто не знают. «Мы живем в тяжелое время, на трудной земле. Наша жизнь вся пропахла железом и хлебом, тяжким трудовым хлебом, который надо добывать с боя» — вот пафос творчества Виктора Астафьева, таков его положительный герой, такова его жизненная позиция.

Творчество двух русских современных прозаиков — Анатолия Иванова и Виктора Астафьева — говорит о богатстве тематическом, стилевом, языковом нашей прозы, о своеобразии каждого из художников в раскрытии человеческой личности, о многомерном, о многостороннем отображении характеров, явлений, фактов нашей действительности. Оба они бережно сохраняют драгоценные национальные традиции русской литературы, верной правде жизни, оба всеми своими произведениями утверждают любовь к Родине, любовь к России, активно участвуют в воспитании патриотического самосознания советского читателя. В их творчестве мы встречаем те реалистические принципы отбора, которые раскрывают многообразную и противоречивую жизнь через все богатства современности.

Как мы убедились, в литературе и искусстве существуют и крайности. Нарушение основополагающих реалистических принципов отбора не раз приводило художников, писателей послевоенной поры к созданию высветленных, «леденцовых» произведений. Есть и другая крайность — очернительство, односторонне-мрачный показ советской действительности.

Лучшие произведения современной русской прозы, в том числе произведения А. Иванова и В. Астафьева, доказывают, что советская литература не пойдет ни по одному из крайних путей. Советская литература избрала единственно верную магистраль, проложенную на надежной тверди, — правду жизни.

Это мысли из статей, опубликованных в журнале «Волга» (1969. № 3; 1970. № 6). Затем статьи вышли в сборниках «Россия — любовь моя» (М.: Московский рабочий, 1972) и «Мятежная душа России» (М.: Советская Россия, 1986).